

ТАТЬЯНА НОВИКОВА

НЕВЕСТА
ОПАЛЬНОГО
ГЕРЦОГА

Татьяна Новикова
Невеста опального герцога

«Автор»

2023

Новикова Т.

Невеста опального герцога / Т. Новикова — «Автор», 2023

Он появился в нашем поместье как гость, но все знали — это пленник моего отца. Двадцатилетний мужчина, сын герцога Коэрли, которого родной папаша попросту отдал своему давнему врагу в качестве гаранта перемирия. Отдал как какую-то вещь. Я ненавидела Алексиса Коэрли всем сердцем. Но мой отец решил за меня. — Мне плевать, что вы думаете друг о друге, — сказал он, — но в скором времени вы поженитесь и нарожаете столько детей, чтобы заполнить ими все земли до самого севера.

© Новикова Т., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Новикова

Невеста опального герцога

Глава 1

Он появился в нашем поместье как гость, но все знали – это пленник моего отца. Двадцатилетний мужчина, сын герцога Коэрли, которого родной папаша попросту отдал своему давнему врагу в качестве гаранта перемирия. Передал как какую-то ненужную вещь.

Навсегда.

Что ж, герцог Коэрли мог похвастаться еще тремя наследниками-мужчинами. Младший, по всей видимости, не так уж ему был и нужен. Он просто променял его на временное спокойствие.

Я видела в окно второго этажа, как к воротам подъезжает повозка, как из неё выходит молодой мужчина. Статный. Высокий. Он держался ровно. Плечи его были прямы, а губы упрямо поджаты.

Мне не нравилось, что в нашем доме будет жить чужак. Коэрли – давние, заклятые враги семьи Утенрод. Семьи, к которой принадлежу я сама.

Кто знает, какие помыслы в голове этого мужчины? Так ли он безобиден, как считает мой отец?

Я скривилась, думая о том, что ему выделяют спальню недалеко от моей и что нам придется ежедневно пересекаться в доме, который только кажется большим. Мы будем видеться постоянно. От Коэрли-младшего не спрячешься. Его не запрешь на замок, не посадишь на цепь.

Официально он гость, а не узник поместья.

Магия внутри меня тотчас взбунтовалась. Пришлось тряхнуть пальцами, чтобы серебряные искры осыпались на пол.

– Госпожа, – молоденькая служанка-Кира заглянула ко мне сразу же, как младший Коэрли переступил порог отцовского имения. – Герцог Утенрод просит вас незамедлительно явиться на обед.

Конечно же. Он хочет представить мне этого зазнавшегося Коэрли, который даже движется так надменно, будто всё здесь принадлежит ему. Откуда в нем столько спеси?

В столовой за длинным обеденным столом сидел только мой отец, Эрнест Утенрод, и его «гость». Друг напротив друга, с одинаково отсутствующими выражениями лиц. Папа – во главе стола, седовласый, подтянутый, хоть и немолодой, но не растерявший военной выправки. Отец победил во многих сражениях. Его имя прославляли в балладах.

Самым горьким его разочарованием было отсутствие наследников мужского пола. Матушка моя скончалась от родовой горячки, и отец больше не связывал себя узами брака – пообещал хранить верность до скончания веков. Разумеется, только на словах. Но, сколько бы папа не искал ей замену в сомнительных любовницах, но даже внебрачные дети у него рождались исключительно девочки. Наверное, таково его проклятие.

– Мэри, познакомься с нашим новым другом, – улыбнулся отец, но глаза его оставались холодными. – Алексис Коэрли. Это моя дочь, Мэри, и я надеюсь, что вы поладите.

Я поморщилась, но поприветствовала мужчину. Он отреагировал скупым кивком головы. Ни я, ни Алексис не собирались играть в радушие. Все понимали, что это всего лишь неприятная необходимость. Дети воюющих семей ненавидели друг друга столь же горячо, как и их родители. Слишком много крови пролито за годы вражды обеими сторонами.

– Вам придется найти общий язык, – добавил мой отец, промокнув губы салфеткой. – Мне плевать, что вы думаете друг о друге, но в скором времени вы поженитесь и нарожаете столько детей, чтобы заполнить ими все земли до самого севера.

И это прозвучало как раскат грома посреди ясного неба.

– Не думаю, что это уместно, – подал голос Алексис. – Мой отец...

– Дорогой мальчик, твой папаша отдал тебя мне как безродный скот. Даже дешевле, чем скот, потому что в отличие от паршивой овцы ты не стоил мне ни медянки. Посему ты не имеешь своего мнения и отныне делаешь всё, что я потребую. Запомнил с первого раза?

Если честно, я ожидала, что младший Коэрли ещё как-то возразит, но тот лишь уставился в тарелку и крепко сжал губы. Костяшки пальцев его побелели, так сильно он стиснул кулаки. Но смолчал.

– Отец! – возмутилась я. – Мы ведь обсуждали, что я не собираюсь выходить замуж.

– Да-да. Ты говорила, что хочешь заняться магией, но я как считал это глупой бабской блажью, так и не переменял своего мнения. Мэри, мне безразлично, чего ты хочешь. Я жажду процветания нашего рода, и этот мальчишка, – он брезгливо кивнул в сторону застывшего напротив себя мужчины, – твой путь в счастливое будущее. В нем течет кровь Коэрли.

Я не понимала, что это меняет. Всё ещё, у герцога Коэрли хватает наследников, и родство с младшим сыном не дает нам никаких привилегий. Это очевидно.

Но, кажется, у отца был какой-то иной план. В которой он, разумеется, не собирался посвящать свою единственную законную дочь.

У меня от злости и обиды свело внизу живота. Я никогда не просила многого. Всего лишь хотела учиться, развивать колдовство внутри себя. Я хотела чего-то добиться. Кем-то стать. Хотя бы затрапезным лекарем, но принести пользу обществу.

Больше всего я боялась повторить судьбу собственной матери. Выйти замуж, выносить ребенка и погибнуть при его рождении.

Гигантский портрет мамы висел в холле, и отец каждую годовщину её смерти устраивал траурные гулянки. Но кто её помнил? Да никто. Всего лишь «безвременно почившая супруга герцога Утенрода», и не более того. Не полноценный человек, а придаток мужа.

В общем, я жаждала иной участи. И отец вроде как не запрещал мне учиться, даже вызывал городских учителей в поместье. Я думала, что ещё немного, и он позволит мне самостоятельно распоряжаться своей жизнью...

– Папа...

Я хотела продолжить, но отец жестом приказал помолчать. Он поднялся со стула. Еда в его тарелке осталась нетронута.

– Дочь, – навис надо мной. – Я не желаю слушать твоё бляение. На днях мы объявим о вашей помолвке. Пока же будь так добра, покажи нашему *гостю*, – отец выделил это слово ядом, – дом.

С этими словами он вышел из столовой, оставив нас с Алексисом Коэрли наедине. Мне кусок в горло не лез, мужчине – тоже. Мы просто молчали и сидели, не в силах сдвинуться с места. Не знаю, что за мысли тревожили нашего пленника, но и узнавать не планировала.

Сама же я думала, как обернуть отцовские слова в свою пользу. Я не выйду замуж за этого человека. Я не лягу с ним в одну постель. И уж точно я не рожу от него ребенка.

Но как поступить?

Сбежать?..

Идея хоть и очевидная, но я не представляю, как её осуществить. Просто уйти? А как быть с деньгами, с документами? Не скитаться же по городам и кланчить мелочь? Одинокой девушке сложно прожить без покровительства. Мне нужна работа, но кто возьмет к себе помощником непонятно кого?

Да и меньше всего я хотела бы оборвать отношения с родным отцом, сбежав из дома. Это только в сказках звучит красиво: рыцарь отказался от всех титулов и ушел в поисках собственного счастья. Что до реальной жизни...

Кроме папы, у меня никого нет. И пусть он не всегда ласков и чуток к моим просьбам, но он заботится обо мне – насколько умеет.

– Я не собираюсь показывать тебе поместье, – выдавила я и гордо вздернула подбородок.

– Да я и не просил. Всё равно я не задержусь в этом забытом богами месте надолго, – скривился Алексис.

– И куда же ты денешься?

Он неоднозначно дернул щекой, давая понять, что не собирается откровенничать.

Да и не очень-то хотелось.

Я встала из-за стола первой и, не оборачиваясь, вышла из столовой. Спину мне жег взгляд Алексиса Коэрли, врага моей семьи и человека, с которым мне было противно даже попросту находиться в одном помещении.

Остаток дня я провела в сомнениях. Я собирала сумку и тотчас разбирала её. Я проговаривала мысленно разговор с отцом. Я думала кинуться ему в ноги и попросить о пощаде.

Неужели мое слово совсем ничего для него не значит?!

Под вечер поднялась суматоха. Я выглянула из комнаты, не понимая, что происходит. Вооруженные люди отца сновали по коридорам поместья. Внизу доносились крики и ругань. Воздух накалился, и казалось, его можно пощупать пальцами. Столь сильным было напряжение.

– Что случилось? – Я за рукав поймала одну из служанок.

– Господин Коэрли сбежал... ваш отец вне себя от гнева, – выпалила та шепотом.

Он ушел после ужина. Беспрепятственно перелез через забор и исчез в темноте. Без денег, без запасной одежды. Лишь в тех вещах, что были на нем. Это даже мне казалось неосмотрительным и глупым поступком. Ночи в наших краях холодные, температура опускается так низко, что пар изо рта идет.

Но Коэрли это не волновало. Он попросту сбежал.

Отец багровел от злости. Он кричал на прислугу, раздавал команды страже. Он поднял столько людей, что какой-то один мальчишка, как по мне, не стоил всей этой шумихи. Да и пусть бы он пропадал пропадом.

Папа так не считал.

– Вернуть живым! – рычал он. – Иначе я всех вас разжалую! Отправитесь мыть конюшни!

Служанки передвигались по стеночке, кухарка заперлась в своей каморке и неистово молилась во весь голос.

Я тоже старалась не высовываться зазря – когда отец в бешенстве, ему опасно попадаться на глаза. Он перестает себя контролировать и становится одержим. В таком состоянии он и руку может поднять, а потом даже не вспомнит. Хмыкнет только: «Сама подвернулась, нечего реветь», как говаривал в моем детстве.

Я не скажу, будто росла несчастливой ребенком. В достатке, с множеством нянюшек и служанок, что выполняли любую мою прихоть. Все они трепетно относились к моей матери, все называли меня госпожой и больше всего на свете боялись моих слез. Мои комнаты ломились от одежды и игрушек, мне добывали художественные книги из самой столицы. Когда во мне проснулась магия, мне выписали первого учителя. Пусть он и не учил меня тонкостям, но азы колдовского искусства привил.

У отца были и другие дочери, но они надолго не задерживались в нашем доме. Я помню девочек, чем-то неуловимо похожих на меня, что недолгое время гостили в поместье, а затем уезжали неизвестно куда. Папа говорил, что его раздражают «чужие дети». Он не считал доче-

рей от любовниц – своими. Пытался с ними сродниться, но в итоге попросту избавлялся как от ненужной тягости.

Он и к единственной «родной дочери» относился сухо. Но когда мне исполнилось шестнадцать, впервые заговорил о замужестве. Тогда-то его голос наполнился чем-то, похожим на нежность.

– Ты должна стать главой нашего рода и нести это бремя с гордостью, – объяснял отец. – Не мужчина будет управлять тобой, а ты – им. В этом твоя женская сила.

Я уверяла, что хочу учиться и работать, и отец вроде как не спорил, отмахивался только, как от назойливой мухи, что летает перед глазами. Как оказалось, решение его было непоколебимо, просто он не считал нужным спорить со мной – до поры, до времени.

Теперь мне восемнадцать, и меня едва не выдали замуж за нашего заклятого врага. Повезло, что «жених» решил сбежать.

Правда, радость моя длилась недолго.

Его поймали к рассвету. Во дворе донесся раскатистый смех – стражники ликовали. Я не спала и видела в окно, как молодого мужчину втащили во внутренний двор и бросили на землю словно мешок с картошкой. Он упал на неловко выставленные руки. Мой отец навис над ним и что-то сказал, взяв его подбородок в свои пальцы.

А затем ударил наотмашь.

Отец не прощал ошибок и не любил, когда кто-то шел против его мнения. Особенно – тот, кого он называл своей собственностью. Я не стала наблюдать за сценой расправы. Задержала тяжелые занавески, и спальня погрузилась во тьму.

Сердце моё колотилось как заполошное. Непонятный, липкий страх поселился под ребрами.

Мы встретились на завтраке. Лицо Алексиса выглядело ужасно. Кровавое месиво там, где еще вчера горело надменное выражение. Синяки и кровоподтеки.

Всё утро в него вколачивали необходимость послушания.

Отец завтракал молча, наш пленник – теперь уж точно пленник, а не гость – даже не притронулся к столовым приборам. Я старалась не смотреть в его сторону и без особого аппетитаковыряла пышный омлет.

Но мысли то и дело возвращались к молодому мужчине, что попытался пойти наперекор воле моего отца – и совершил непростительную ошибку.

Из-за стола мы поднялись вместе, стоило отцу закончить с завтраком и первому выйти из столовой. Едва его шаги затихли в отдалении, мы оба вскочили со своих мест.

– Постой. – Я поравнялась с Алексисом и сказала, обращаясь вроде как ни к нему, а в пустоту коридора. – Я немного знаю регенерирующую магию. Могу попытаться залечить твоё лицо.

Гарантировать наверняка ничего не могу, практики в моей жизни было маловато – но хуже точно не сделаю.

– Обойдусь без твоей заботы, – он поморщился, от чего треснувшая губа вновь закровоточила.

– Как скажешь.

Не собираюсь упрашивать. В конце концов, это нужно не мне, а ему самому. Я и так собиралась сделать большое одолжение. С чего у меня вообще проснулась к нему жалость?!

Мы разошлись по своим спальням. Не знаю, чем занимался Коэрли, но я не собиралась вечно прозябать в доме. Немного поучившись – всё же теоретическая магия сложна, если у тебя нет хорошего учителя, – я решила прогуляться. Проветрить голову после множества магических формул.

Уже у самой границы наших владений, за яблоневыми садами, я увидела человека. Он стоял, скрестив руки на груди, и взгляд его был устремлен вдаль. Туда, где протекала беспокойная река, холодная и полная подводных течений.

Этот ненормальный что, опять решил сбежать?!

Или утопиться?..

Меня одолел настоящий гнев. Нет, по-хорошему, мне должно быть безразлично, избыток этого упрямого осла ещё раз или просто открутят ему голову за своеволие. Отец не прощает ошибок и третьего шанса точно не даст.

Насколько нужно быть упертым, чтобы не понимать очевидных вещей?!

Не знаю, почему меня так сильно задела непокорность нашего пленника. Возможно, потому что сама я не могла позволить себе даже треть его храбрости. Возможно, потому что не желала видеть отца в дурном настроении.

Но я пересекла разделяющее нас расстояние и строго спросила:

– Что ты здесь делаешь?!

Он оглядел меня с ног до головы, будто поначалу не узнал. Я передела домашнее платье на походный костюм, состоящий из брюк и плотной куртки. В город бы меня отец в таком «неподобающем» виде не отпустил (хотя модницы давно уже боролись за право носить штаны), но по территории поместья ходить не запрещал.

Чем бы дитя ни тешилось, как говорится.

– Стою, – ответил с мрачной ухмылкой.

– Если ты думаешь, что сможешь уйти... – я не закончила, Алексис перебил меня.

– Я прекрасно понимаю намеки с первого раза.

Он обвел пальцами свое лицо, опухшее и бледное.

– Зачем тогда ты пялишься на реку?

– Какая тебе разница? Может, мне нравится наблюдать за водой.

Почему-то меня злили эти слова. Злила беспечность, с которой Алексис Коэрли реагировал на происходящее. Злило то, что он может оправиться от побоев, встать и вновь посмотреть вдаль, словно ничего и не случилось.

– Я просто не хочу, чтобы ты доставил моему отцу лишние проблемы.

– Послушай, ты ведь не собираешься замуж. Так какая тебе разница, что со мной случится? Напротив, радуйся, если я решу вновь сбежать. Ну а если ещё и утону – тебе вдвойне повезет. Нет жениха – нет проблем.

– Вместо тебя отец найдет кого-то другого, – отрезала я тихим голосом. – Мы с тобой хотя бы оба этого не хотим, а другой...

– А другой жених будет не прочь наплодить потомство с юной красоткой Утенрод? – понимающе хмыкнул мужчина. – Что ж, звучит логично. Впрочем, ты плохо знаешь меня. Возможно, я передумаю сбежать и захочу, скажем так, познакомиться с тобой поближе?

Его ладонь накрыла мою щеку, и кожу обожгло волной жара. Прикосновение было теплым, почти горячим и совершенно бесстыдным.

Я отшатнулась.

– Пошел к дьяволу!

– Я уже там нахожусь. – Он махнул подбородком в сторону дома.

Я успокоилась только тогда, когда вернулась обратно к главному входу в поместье. По правде, я практически бежала, чтобы не видеть и не слышать этого ужасного, отвратительного человека. Чтобы не дышать с ним одним воздухом.

Искры слетали с моих пальцев, как всегда, когда я не контролировала свою магию. Учитель научил её утихомиривать, но не объяснил, как жить с ней. Отец и вовсе не считал моё колдовство чем-то значимым – так, легкая особенность дочери, от которой нет ни пользы, ни вреда.

– Магия для простого люда, – так он говорил. – Твое предназначение в ином.

Угу, в рождении наследников и бессмысленном прозябании в стенах поместья, будучи чьей-то женой.

Я была раздражена сверх меры. Мне хотелось запулить энергетическую волну в Алексиса Коэрли и испепелить его к чертям собачьим. Потом бы так и оправдывалась перед отцом:

– Он меня взбесил, и я от него избавилась. Прости, вышло случайно.

Уф. Невозможное чувство. Какое-то новое, незнакомое и совершенно лишенное разумности.

До самого ужина я не покидала своей комнаты. Заперлась в ней, обложила книгами, но текст не шел, буквы расплывались перед глазами. Меня охватывал гнев, стоило вспомнить надменный взгляд нашего пленника, его ладонь, коснувшуюся моего лица.

То, как легко ему это далось – словно он привык ощупывать девиц и не видел в этом ничего порочного.

Нет уж. Я не свяжу свою жизнь с Коэрли.

Ни добровольно, ни принудительно.

Глава 2

Той ночью мне не спалось. Нехорошие мысли терзали, не давали покоя. Вечером отец согласовывал текст писем о моей помолвке – и теперь я думала только о том, что с каждым днем его безумная прихоть всё ближе и ближе к реальности. Завтра письма разлетятся по соратникам отца, вскоре газеты раструбят о свадьбе. Меня нарядят в пышное платье и выкинут прямоком к алтарю – с человеком, которого я терпеть не могу.

Так что же делать?

Бежать? Чтобы меня поймали, как и Коэрли, потому что ищейки отца не позволят никому далеко уйти?

Я боялась что-то менять. Постыдное чувство ширилось в груди, но я не могла переступить через себя. Находила оправдания собственной трусости.

Я вылезла из постели и прокралась к выходу из дома. Пока не сбежать, но хотя бы ощутить свободу. Подышать воздухом. Представить, что вот-вот я уйду отсюда навсегда.

В холле наткнулась глазами на портрет матери и долго смотрела на него. Как бы она поступила? Что бы она сказала мне делать? Неужели отдала бы в лапы врагу?

Я совсем её не помнила (что неудивительно, она даже не успела подержать меня на груди), но иногда мне не хватало материнского одобрения. Хотелось сесть рядом с ней и поговорить. Задать вопросы. Получить совет или даже оплеуху. Понимать, что ты в целом мире не одна.

Увы, мертвые нас не услышат. С ними бесполезно разговаривать.

Я шагнула в темноту, и та обхватила меня за плечи. Ветер лизнул затылок, скользнул под одежду. Я стояла на крыльце и смотрела вдаль, прося всех богов, чтобы они дали мне ответ: как поступить.

После прошлась по тропинке, побродила во мраке меж деревьев, что казались застывшими чудовищами, готовыми вот-вот сорваться с места.

Я увидела силуэт в отдалении, в лунном свете, когда почти собиралась возвращаться домой. На цыпочках прокралась вперед, прячась за деревьями.

Алексис Коэрли – а это, без сомнения, был он – стоял у границы участка. Опять.

У него в руках оружие?! Он пытается кого-то убить?!

Нет, спустя секунду я поняла: он тренировался. Я хотела уйти, но застыла на месте, не в силах оторваться от того зрелища, которое передо мной открылось. Коэрли был чертовски хорош. Палка в его руках плясала словно меч, и сам он, казалось, едва касался земли.

Его определенно обучали биться, потому что невозможно так владеть своим телом, если не будешь ежедневно изнурять его тренировками.

И это... к своему стыду, это меня восхитило. Он был удивительно настоящим. Не подделкой, а живым человеком.

Теперь я понимала, что именно заставило его совершить побег. В нем чувствовался стержень. В отличие от меня, не готовой на серьезный поступок, он мог идти наперекор, он мог в ночи сражаться с палкой, он мог упрямо смотреть вперед, а не стыдливо опускать взгляд.

Я презирала его семью. Наша вражда столь давняя, что крови попортила немало обеим родам. У отца были старшие братья – но они погибли в сражениях. Наши приграничные деревни постоянно подвергались атакам со стороны Коэрли. Мы теряли людей, что гибли в мелких стычках. Я с детства знала, что эта семья – это мор, чума, концентрированная агрессия. Их нужно истреблять.

Но Алексис Коэрли больше не казался мне злодеем. Он был... обычным мужчиной.

С тех пор каждую ночь я наблюдала за тем, как наш пленник тренируется, а он... даже если он догадывался, что за ним подсматривают, то никак не реагировал. Его вообще слабо волновало всё, что происходит за пределами выстроенного им самим мира. Он подчинился

указаниям моего отца, он спускался в столовую на завтрак, обед и ужин – но он не проронил ни единого лишнего слова и не заинтересовался ничем.

– Выбери цвет платья для помолвки, – сказал отец в один из вечеров. – Твоей матери понравился бы лиловый, но я не обижусь, если ты остановишься на цветах нашего герба.

Мы общались только за трапезой, хотя даже это нельзя было назвать полноценным общением. Отец раздавал команды, я пыталась ещё спорить, но с каждым днем понимала, сколь бесполезно это занятие.

Мне захотелось спросить, откуда отец может знать, какой бы цвет выбрала мама? Нет ни одного портрета, где она была бы изображена в лиловом – уж я выучила их все наизусть.

– Я могу надеть платье, которое понравится мне самой? – спросила язвительно.

Заметила на себе взгляд Алексиса. Он, по обыкновению, молчал и никак не подавал виду, что хотя бы заинтересован в разговоре. Его о цветах одежды никто не спрашивал.

– Ты всю оставшуюся жизнь будешь носить тряпки, которые выберешь сама, – отрезал отец. – Но это платье должно отражать интересы семьи.

– Тогда просто ткни в ту ткань, которую я должна на себя натянуть.

– Думаю, так и сделаю, – разъярился отец.

В последнее время он вспыхивал как спичка. Всё проще было разозлить его и всё сложнее успокоить. Он на целые дни запирался в кабинетах с приближенными, обсуждал какие-то планы, рассматривал карты местностей. Кажется, он собирался сражаться с Коэрли – хотя между ними и было выстроено шаткое перемирие.

Возможно, я ошибаюсь. Меня он в известность не ставил.

Сейчас я поднялась и, не говоря больше ни слова, выскользнула из столовой. Отец меня не остановил. Через несколько часов швея принесла одобренную им ткань. Лиловую.

Той ночью, как и в прошлые, я наблюдала за тренировкой Алексиса. Моросил дождь, но мне не хотелось сбежать домой. Словно близость к Коэрли давала хоть какое-то подобие безопасности, пусть и призрачное.

Внезапно он застыл на месте, а затем развернулся и сказал вроде бы в пустоту:

– Разве благовоспитанным леди не положено ночами спать?

Мои щеки налились краской.

Он говорил со мной. Он знал о моем присутствии – ну, конечно же! – и открыто насмеялся.

Я попыталась развернуться на пятках и уйти, но мужчина проворно оказался рядом. Преградил дорогу, выставил деревянный «меч» перед собой.

– Подожди. Давай поговорим.

– О чем?

Я обхватила себя за плечи, зябко поежилась. Холод, ещё секунду назад не ощущавшийся, теперь пробирал до костей.

– У меня есть к тебе предложение. – Коэрли выждал несколько мгновений и криво усмехнулся. – Твой отец жаждет нашей женитьбы? Так давай поженимся. Но на наших условиях.

Я удивленно уставилась на своего почти что жениха. Что он имел в виду?

Алексис был одет легко, совсем не по ночной погоде, но его будто не волновал пронизывающий ветер, что заставлял меня всю дрожать. Мужчина стоял передо мной, смотрел сверху вниз. Но без осуждения или желания показать своё превосходство.

– Я не настолько глуп, чтобы не понимать очевидных вещей. Итак, нас всё равно поженят, хотим мы того или нет. Твой папаша жаждет свадьбы, он не отступится и не передумает. Но как только мы поженимся, мы обретем свободу, вот чего он не учел. Я много думал об этом. Когда брак между нами будет заключен, я смогу через суд потребовать независимости. Сейчас он называет меня своим воспитанником, но воспитывать женатого мужчину – в целесообразности этого усомнится любой судья. Моё заключение закончится.

– А моё? – невесело ухмыльнулась я. – Я стану тебе послушной супругой? Или ты сдашь меня в монастырь, как сдают других неугодных жен?

– Я дам тебе развод, – пожал плечами мужчина.

Прозвучало так легко, что мне даже не поверилось в реальность сказанных слов.

Развод?

Редкий мужчина соглашался развестись с женой. Ещё несколько десятилетий назад это было и вовсе недопустимо, но однажды развестись удумал сам король, и церковникам пришлось смягчиться. Теперь развод не поощрялся, но разрешался. «По искреннему желанию супруга», как говорилось в священных текстах.

Но мужчины считали это позором для себя самих. Проще сослать женщину в дальнее имение или отдать в монастырь, или даже убить. Вариантов так много, что разводов почти не случалось.

– Ты шутишь? – сглотнула я.

– Нисколько. Мне не нужен этот брак, мне не нужна жена, – отчеканил Алексис, переступив с пятки на носок. – Поэтому мы разойдемся. Ты получишь небольшие отступные, сможешь заниматься магией. Кроме того, я обещаю, что не причиню тебе вреда в браке и не сделаю чего-либо без твоего согласия, – добавил он внезапно. – Мы не будем доводить наш союз до конца. Эрнест Утенрод не сможет заставить нас лечь в одну постель. А потом, когда суд освободит меня из плена, мы разведемся. Вот они – условия, о которых не подозревает твой папенька. Тебя устроит такой расклад?

Соблазн согласиться был невозможно велик, но здравый смысл взял верх.

– Ты мне сейчас посулишь что угодно, а после свадьбы благополучно забудешь о своем обещании.

– Зачем? – на его лице отразилось искреннее недоумение. – Какой резон мне обманывать ту, с которой можно сотрудничать? Что я выгадаю? Вся моя связь с миром через тебя. Думаю, даже письмо судьям за меня будешь писать ты – вряд ли твой отец позволит мне им пожаловаться. Не сомневайся, я привык платить по долгам. Кроме того, взамен я тебя кое-чем попрошу.

– О чем же?

– Твой отец ведет какие-то записи, и я опасаясь, что он собирается напасть на наши земли. Ты сможешь выведать его планы?

Значит, не только мне показалось, что давняя вражда не кончилась, и Утенроды собирались вновь схлестнуться в схватке с Коэрли, тем самым нарушив заключенное между домами соглашение.

Я понимала желание Алексиса знать правду. Наверное, будь я на его месте, сама бы попросила о чем-то подобном. Но...

Сможет ли он просто проглотить её и продолжить затею с женитьбой? Разве не захочется ему мести, кровавой расправы над моей семьей? Человек, ослепленный гневом, не сможет мыслить здраво.

– И что ты будешь делать, если всё окажется так, как ты думаешь?

Он дернул щекой. В темноте его тень казалась зловещей, но почему-то я не испытывала страха. Как будто свыклась с мужчиной, которого несколько дней назад ещё люто ненавидела. Мы в одной лодке, по одну сторону течения – он мне больше не враг.

Алексис устало оперся о палку, которую использовал в качестве меча.

– Я буду знать, что слово твоего отца ничего не стоит. И я... я запомню это на будущее и когда-нибудь непременно отомщу, – прошептал он тоном, в котором читалась неприкрытая угроза.

– Иными словами, ты говоришь, что собираешься убить моего отца? Не сейчас, но потом? Мои губы искривились в усмешке.

– Я обещаю защиту тебе, но не буду обещать её лжецу и предателю. Если он собирается атаковать наши земли в тот момент, когда между нами заключено перемирие – я не проглочу этот поступок. Прямо сейчас я всё равно не смогу ничего сделать: мне не позволят отправить письмо домой. У меня нет ни медянки, чтобы подкупить прислугу. Но помнишь – непременно запомню. Что тебе страху с моей памяти? Наши семьи и так друг друга ненавидят до смерти.

Мне бы хотелось с ним поспорить, но здраво, рассудком, я осознавала его правоту. Это было тяжело – принять, что твой недруг честен в желании расквитаться с единственным твоим родным человеком.

Как бы поступила я сама на его месте?

Наверное, точно так же.

– Я постараюсь тебе помочь. Только информацией, больше ничем. И надеюсь, ты сдержишь своё обещание.

Сказала и сама испугалась своих слов. Как будто заключила контракт с самим дьяволом. Согласилась следить за родным отцом ради какого-то чужака. Демонически красивого чужака, что пришел в мой дом и одурманил мой разум, заставив поверить в чистоту своих помыслов.

– Непременно сдержу, – без эмоций ответил Коэрли, и его ладонь накрыла мою, высекая во мне мурашки. – Спасибо, Мэри Утенрод.

В кабинет папы я пробиралась затемно. Он был закрыт на замок, но у меня хранился запасной ключ. Отец не разрешал трогать его вещи, но говорил, что в случае угрозы извне я должна незамедлительно войти внутрь и поджечь всё его содержимое. Не допустить, чтобы враги увидели отцовские бумаги.

Уже эти его наставления намекали, что внутри есть что-то непростительное. Но раньше я как-то не стремилась узнать большее. Зачем? И без того очевидно, что отец воюет, заключает деловые союзы, с кем-то соперничает.

Я прикрыла за собой дверь, ступила в глубокий сумрак, ориентируясь наощупь. Прокралась к окну и плотнее задернула тяжелые гардины. Теперь можно зажечь свет. Я повела пальцами, и над ними запылал крошечный золотистый огонек. Моих умений хватало на такие вот «светлячки», и сейчас я почти гордилась собой.

На широком столе для переговоров, где обычно собирались люди отца, лежала карта. Я посмотрела на неё, попыталась запомнить расположение фигурок. Те казались хаотично расставленными на нескольких землях, причем нам не принадлежащих.

Я двинулась дальше, к письменному столу. Отец хранил бумаги в строгости, не допускал хаоса, и сейчас я легко ориентировалась в переписках и отчетах. Картинка складывалась странная.

– Я могу ошибаться, но, кажется... это твой отец планирует наступление, – сообщила я Алексису той же ночью, когда мы встретились за яблоневыми деревьями.

Я рассказала, что увидела в многочисленных записях. Опасения, намеки, открытые предостережения. Да и по карте сходилось: земли, на которых стояли фигурки, граничили с нашими, а значит, войска Коэрли могли занимать их, намереваясь атаковать нас.

Я говорила негромко и не смотрела в глаза Алексису.

– Бред! – возмутился тот, выслушав до конца. – Он не стал бы! Он ведь сам отдал меня, чтобы заключить перемирие, и если первым нарушит договор, то...

Мужчина замолчал, будто его горло перехватило спазмом.

В случае срыва соглашения ему грозила смерть. Его жизнь имела смысл, пока наших родителей сдерживал договор. Алексис выступал гарантом того, что Коэрли-старший не нападет первым.

– А если он специально отдал тебя, чтобы задурить моему папе мозги и атаковать исподтишка? – спросила я всё так же тихо.

– Он не стал бы... – повторил мужчина обреченно.

Клянусь, сегодня я впервые прочитала на его лице какие-то эмоции. Боль, непонимание, неверие.

Что ж, мой собственный отец хоть и отдает меня замуж как племенную кобылу, но хотя бы не разменивается мною в своих грязных военных стратегиях.

У Демида Коэрли, отца Алексиса, ещё трое сыновей – и, по всей видимости, он посчитал себя настолько всесильным, что сдал младшего как невыгодную игральную карту.

Я поежилась.

– Послушай... – внезапно мне захотелось как-то успокоить Алексиса.

Нелепое чувство запылало в груди. Обида за человека, который был мне никем (а мог стать худшим моим кошмаром, после нашего замужества).

Но он не позволил даже ладонью коснуться плеча – резко отстранился, губы его были плотно сжаты, как всегда, когда он душил в себе негодование.

– Всё нормально. Возможно, ты ошиблась.

– Возможно, – не стала отрицать я, хотя записи были вполне однозначными. – Я рассказала тебе лишь то, что увидела сама.

– Мне надо тренироваться, – мужчина сжал палку, желваки его были напряжены, и кадык дернулся. – Не переживай, моё обещание в силе. Если мы поженимся, я гарантирую тебе свободу.

Если...

Мы распрощались, и я вернулась к себе в спальню.

Но на душе скреблась тревога. Я выглядывала в окно, всё надеясь рассмотреть темную фигуру Алексиса, что возвращается домой. Но до самого рассвета он так и не появился.

Неужели тренировался всю ночь напролет?

Глава 3

Папа вызвал меня к себе после завтрака. На том, кстати, Алексис Коэрли появился, но выглядел откровенно паршиво. Казалось, он даже и не ложился спать. Под глазами залегли черные тени, лицо осунулось. Если обычно он хотя бы ковырялся в еде, то на сей раз оставил её безо всякого интереса.

Всё сильнее во мне ширилось желание как-то его поддержать. Хотя бы молча, хотя бы взглядом. Да только чем и как? Да и не нужна ему моя глупая, женская забота.

– Помолвка назначена на завтра, – объявил отец, когда я встретилась с ним в мраморной гостиной, которую, по слухам, обожала моя мама.

Здесь стоял красивый белоснежный рояль, на котором играла матушка – вот уже восемнадцать лет к нему запрещалось прикасаться. С него стирали пыль, его ежегодно настраивали. Но он молчал со дня смерти мамы.

Ещё в гостиной есть камин, но огонь в нем тоже никогда не зажигают. Эта комната будто впала в безвременье с кончиной хозяйки. Отец иногда приходит сюда выпить чай, но нечасто и скорее ради необходимости. Не чувствуется, что он хотел бы оживить гостиную. Его устраивает её опустение.

От папиных слов я вздрогнула. До сих пор точную дату никто прилюдно не обсуждал (хотя, думаю, в приглашениях отец её обозначил), и потому она выглядела чем-то зыбким и ненастоящим. Я не спрашивала сознательно.

Теперь же...

Так скоро!

– Ясно.

– Платье готово? – строго спросил отец, откусывая песочное печенье, что лежало перед ним на блюде.

– Да.

Его дошили вчера, и оно мне жутко не нравилось. Громоздкое, вычурное, переливающееся полудрагоценными камнями, что были нашиты по корсету. пышные юбки, в которых легко утонуть. Лилового цвета, я выглядела в нем мертвенно-бледной.

– Ты не кажешься счастливой, дочь, – смешок в голосе папы был почти дружелюбным.

Я дернула щекой. Мне нечего сказать.

– Послушай меня, – он отхлебнул чая, глянул на меня по-отечески строго. – Тебе не нужно беспокоиться о мальчишке Коэрли. От тебя требуется лишь стать его женой. Если же ты переживаешь за свою жизнь или здоровье, то клянусь – этот гаденыш не причинит тебе вреда.

Ха. Папа считал, что проблема заключается только в нашей вражде. Если бы всё было так однозначно.

– Я его не боюсь.

– Ну-ну, – он меня даже не слушал. – От меня не укрылось, какие обеспокоенные взгляды ты кидаешь в его сторону. Поверь, управлять всем буду я. Знаешь что? – глаза его блеснули. – Открою тебе секрет. Мне нужны наследники как можно скорее, чтобы законно предъявить права на земли Коэрли.

– Но... как? Земли принадлежат Демиду Коэрли и его старшим сыновьям.

Отец откинулся на диванчике и с наслаждением потянулся.

– Знаешь ли, и сыновья, и их отцы склонны гибнуть в сражениях. И тогда, ах, какая жалость, титулы достанутся внукам. Старшие сыновья не спешат жениться, так почему бы не воспользоваться нашим преимуществом? Рожай детей, Мэри. Как только они появятся, от твоего муженька можно будет избавиться. До тех пор, если понадобится, я прикую его цепями, но не позволю своевольничать. Он тебя не обидит.

– Что?..

Меня словно ударили под дых.

Он собирался убить Алексиса после нашей женитьбы – и рождения наследников – и открыто признавался в этом?!

– Ну да. С чего ты взяла, что он нужен мне живым? Его шкура потеряет всякую надобность после того, как на свет появятся ваши дети. Надеюсь, ты сумеешь сохранить эти мои слова в тайне от своего жениха? Незачем ему нервничать перед свадьбой. Я всего лишь хочу доказать, что тебе, дочурка, нечего бояться. Алексис Коэрли в моей власти. Он не причинит тебе вреда, – повторил отец зловеще.

Видимо, я должна была успокоиться. Даже, наверное, обрадоваться тому, что папа считает меня сообщницей и наконец-то откровенен в своих планах. Всего-то и требуется, что родить нескольких детей... а затем избавиться от их отца...

Меня охватил панический ужас. Омерзение затопило всё моё естество.

Не потому что мне нравился Алексис. Но он же живой человек, который не сделал ничего плохого! Он и так заложник всех этих игр, в которые его втянули воюющие семьи.

Папа говорил о чем-то ещё, давал указания на помолвку, но я не слышала ни единого его слова. В ушах шумела кровь.

Той ночью я собиралась встретиться с Алексисом, но на прежнем месте он не тренировался. Я обыскала половину владений, истоптала ноги, но так и не нашла его. Подумывала постучаться в спальню, но решила, что это будет слишком уж беспечно. А вдруг нас кто-то увидит?

Может быть, он отсыпался за предыдущую бессонную ночь.

Да и что бы я ему сказала? Правду? Вывалила бы её тотчас после того, как отец просил помалкивать? С чего я вообще доверилась нашему пленнику?

Я не знала. Но мне требовалось его увидеть. Я испытывала целую палитру чувств от того, как тучи сгустились над головой этого мужчины. Собственный отец кинул его как кусок мяса на растерзание, мой – собирался избавиться от него при первом же удобном случае. Никто не считал его за человека.

Лишь марионетка в чужих руках.

Но он как специально исчез, и я решила отложить разговор.

Следующим утром начались сборы. Меня долго умывали и расчесывали. Красили моё лицо, укладывали волосы в замысловатую причёску, наряжали, затягивали корсет. Гости съезжались со всех земель, их голоса уже доносились во дворе. Помолвка обещала быть масштабной. Не представляю, сколько денег вбухал туда отец.

Магией украсили особняк. Играла торжественная музыка. Служанки, охая и ахая, заверяли, что я бесконечно красива.

Я же ощущала себя закованной в цепи. Тяжелое, неудобное платье, в котором дышать-то получается через раз. Ворот стягивает шею будто ошейник. И вся эта ситуация, от которой даже пахнет дурно.

Алексис держал лицо. Когда нас усадили за один стол во дворе, посреди нескольких десятков гостей, уже выпивающих, налегающих на еду, он даже не поморщился. Его называли воспитанником отца, скабрёзно смеялись, что «малец отхватил себе достойную женушку».

Отец лишь ухмылялся и обещал, что наш союз будет великим во всех отношениях.

Поговорить нам никак не удавалось. Наедине мы остаться не могли, а рассказывать при всех было бы неосмотрительно. Я выжидала.

– А что Демид? – спросил один из гостей, уже знатно выпивших. – Он дал добро на женитьбу сына?

Алексис ощутимо напрягся, но виду не подал. Я почувствовала его напряжение телом. Мы сидели в полуметре друг от друга, и мой жених сжимал кулаки под столом, не показывая своего волнения никак иначе.

– А что его добро? – отмахнулся папа. – Он передал сына в мое пользование, значит, должен был осознавать возможные последствия. Я не только защищаю жизнь его мальчику, – он почти любовно похлопал Алексиса по плечу, – но и отдаю ему единственную свою дочь.

– За Эрнеста Утенрода, славного мужа и добросердечного человека! – раздалась выкрики.

Отец пригубил вина и отошел от нас. Ненадолго мы остались одни.

– Слушай... давай встретимся вечером, где обычно.

Я должна была ему во всем признаться. Знание – сила. Пусть он хотя бы понимает, что отец может даже не позволить написать ему прошение о независимости. Пусть он держит это в уме и заранее готовится к запасному плану. Надеюсь, у него есть такой план.

Алексис равнодушно кивнул.

Вскоре вынесли горячие блюда, и люди начали забывать о том, зачем здесь собрались. Они пили, смеялись, танцевали и хорошо проводили время, даже не обращая на нас внимания. Мы их не особо волновали.

И внезапно, посреди празднества, во двор ворвался стражник, бледный как полотно для рисования. Он подбежал к отцу и горячо зашептал ему что-то на ухо, задыхаясь и глотая окончания слов. Он очень нервничал.

– Что?! – папа разъяренно сузил глаза. – Что этот червь сделал?

Слуга вновь шепнул ему что-то.

Отец выругался. А затем... затем чехардой завертели события. Слишком быстро, чтобы успеть осознать их в полной мере.

Папа резко схватил меня за локоть и заявил:

– Ты сейчас же уезжаешь в южное поместье.

– Но... почему?

Я удивленно оглянулась на Алексиса, который остался сидеть на месте. В его карих глазах горело непонимание. Мне почудилось, что он даже порывался встать, когда отец грубо дернул меня на себя, но в последнюю секунду остановился.

– Войска Коэрли показательно уничтожили одну из наших деревень. Сожгли дотла при свете солнца. Этот мерзавец жаждет войны. Что ж, он её получит.

Эти слова услышали все без исключения гости. Голоса утихли, смех растворился в возникшей тишине. Кто-то подскочил, другие выхватили оружие, как будто сам Демид Коэрли стучал в наши двери. Раздалось проклятия и угрозы.

Алексис тоже поднялся. Медленно, осторожно. Он возвысился над столом, и я в очередной раз подумала о том, какой он высокий и статный. Возможно, в другой ситуации мне бы польстило стать его невестой. Этот мужчина был чертовски красив. Его темные волосы чуть вились, ямочка на подбородке делала строгое лицо мягче.

– Что это значит? – спросил он сильным голосом, обращаясь к моему отцу.

– А то, что твой папаша променял твою жизнь на свои жалкие амбиции, – ухмыльнулся тот. – Ты идешь со мной, – приказал он ему, – а ты уезжаешь немедленно. Твои вещи уже собирают слуги.

В возникшей суматохе я потеряла и отца, и Алексиса. Меня потащили к повозке, что уже ожидала возле ворот в поместье. Прислуга закидывала внутрь какую-то одежду, но я даже не осознавала, какую именно. В ушах молотила кровь. Сердце бешено отстукивало в груди.

Почему отец отослал меня вон?

Что он собирается сделать с Алексисом?

Повозка тронулась, и шумное, гомонящее поместье осталось позади.

Со мной ехала только одна служанка, Кира. Молоденькая, даже младше моего, она должна была сопровождать меня в поездке. Но выглядела она откровенно плохо. Такая же пасмурная и напуганная, как и я, совершенно раздавленная. Там, позади, осталась её мать. Девушка никогда ещё не покидала её даже на сутки. А уж уехать за сотни километров... на неопределенный срок...

– Как думаете, госпожа, всё будет хорошо? – задала она вопрос испуганным голосочком, точно надеялась на то, что я знаю на него ответ.

– Думаю, да, – улыбнулась я ей, пытаюсь сохранить спокойствие. – Отец со всем разберется.

– Но если он... если он побоялся за вашу жизнь, значит...

Она не закончила фразу, но и так было очевидно, куда Кира клонит. Отец поспешно выгнал меня из поместья неспроста. Вся та спешка говорила только о том, что он всерьез опасался. Но чего? Неужели на наш дом могут напасть? Как близко к нашим стенам подошли люди Коэрли?

– Не бойся, – я покачала головой. – Мой папа знает, что делает.

– Д-да, конечно, – согласилась девушка. – А что ваш жених? – внезапно заинтересовалась она. – Что будет с ним?

Если бы я знала.

Десять недель я провела в южной резиденции. Недалеко от соленого моря, теплого до безумия, ослепительно-синего, будто нарисованного кистью. Правда, в него я так и не окунулась – не было настроения.

В доме постоянно проживала прислуга: экономка, дворецкий, кухарка и две служанки.

Меня встретили настороженно. Никто, разумеется, ничего не сказал, но эти люди привыкли к вольготной жизни. Привыкли быть предоставленными самим себе. Отец на юг навещал редко, в последний раз мы гостили здесь на мое пятнадцатилетие.

Конечно же, прислуга разучилась жить с хозяевами. Я в их глазах была злым тираном, который собирался ругать их за малейшую оплошность.

Пришлось доказывать, что это не так. Меньше всего я хотела враждовать. Меня крепко окунуло в одиночество и непонимание происходящего, и любые люди были спасительным глотком воздуха посреди непроглядного сумрака.

Я сходила с ума от ничегонеделания. Отец не писал писем и не отвечал на мои. То, что у него всё в порядке, я узнавала от редких гостей резиденции, что заезжали навестить дочь Эрнеста Утенрода, у которой – ах, бедняжка – сорвалась помолвка.

Кира часто плакала. Она ходила с красными глазами, постоянно шмыгала носом. Разлука с матерью давалась ей тяжело. Я бы и рада была помочь девушке, но и сама утопала в отчаянии.

– А что насчет Алексиса Коэрли? – раз за разом спрашивала я у гостей.

Те пожимали плечами. Судьба отцовского пленника оставалась под завесой тайны.

Скорее всего, отец не исполнил угрозу и не убил Алексиса – иначе бы газеты давно раструбили новость о гибели «несчастливого мальчика», нарекли бы мучеником, – но его как будто никто не видел. Он испарился. Перестал существовать.

Неужели вновь сбежал?

Противостояние Утенродов и Коэрли вновь затихло. Отец жестко отразил удар на наши земли и пока не атаковал вновь. Это всё, что я знала.

Юг был слишком далеко от столицы. Здешняя размеренная жизнь сморила горожан, и их не особо-то и интересовали сплетни по ту сторону континента. Они жили лениво, вяло, ничем особо не увлекались, разве что бесконечными празднествами и поездками друг к другу в гости.

От скуки я начала заниматься магией. Ну, как начала... В библиотеке нашлось несколько книжек по общей теории. Скучных до зубовного скрежета, старых, в которых информация

уже слабо соответствовала колдовским реалиям. Но дома таких не водилось, потому я жадно взялась за чтение чего-то непривычного.

Десять недель тянулись невыносимо долго. Меня не радовало ни море, ни солнце, ни морские гады, которых великолепно готовила кухарка.

– Нынче мода на загар, а ты совсем бледненькая, детка, – отчитывала меня леди Мила, богатая дама лет пятидесяти, вдова, которая жила по соседству и очень радовалась моей компании. Она была полна, но лишний вес её не портил. Наоборот, придавал ей какой-то элегантности. Леди Мила не затягивала себя в корсеты, предпочитала свободные одежды. Седеющие волосы она закалывала в высокую причёску. Она ненавидела фамилию, доставшуюся ей от мужа, потому и просила называть себя по имени.

Она с интересом слушала про столичную моду, цокала языком, качала головой. Ей нравилось всё далекое от юга и близкое к королю.

– Не особо люблю солнце, – отвечала я.

– Ну-ну, мы тоже поначалу противились данному веянию. Всё-таки загар – первый признак простолудина. Но посмотри, как смуглая кожа смотрится в сочетании с белой блузой?

Леди Мила с гордостью продемонстрировала свою руку.

– Ну, что молчишь? Хвали же!

– Очень красиво, – улыбнулась я.

– То-то же. Что-то на тебе лица совсем нет, – женщина поморщила носик. – Не подобает юной особе ходить с такой кислой мордахой. Неужели это из-за помолвки?

– Да о чем переживать? Помолвка отменилась, не думаю, что отец ещё раз захочет выдать меня замуж в ближайшее время.

– Как отменилась? – женщина удивленно нахмурилась. – В утренних газетах писали, что твой папенька сосватал тебя за лорда Фаркоунта. Об этом, дескать, всем давно известно.

Мне стало так плохо, что живот скрутило судорогой.

Лорд Фаркоунт был немолод и совершенно неприятен. Изредка он появлялся в нашем доме, и в те дни я старалась заняться чем угодно, только бы не сталкиваться с ним. Он смотрел цепким взглядом, отвешивал неприятные, пошлые шуточки. Его губы казались намасленными, так сильно они блестели.

Гарри Фаркоунт был женат дважды, но обе его жены скоростижно скончались, не успев порадовать мужа наследниками. Поговаривают, от побоев – но никто не докажет. Он сослал несколько своих детей вне брака в далекие края, чтобы они не мозолили ему глаза. Этим он чем-то походил на моего папеньку.

Отец не мог так поступить со мной.

– Ты не знала? – леди Мила глянула на меня с сомнением, бровь её выгнулась дугой. – Неужели ты не просматриваешь газеты?

Я покачала головой. Меня мало волновала пресса. Сплетни я не любила, а ежедневно читать новости из столицы – да зачем? Лучше потратить время на тренировки, заняться магией или открыть приключенческий роман – чем зарываться в газеты. Всю нужную информацию мне и так донесут.

Я бегло читала основные статьи, но раз в два-три дня, не спеша за свежими выпусками.

Но теперь это сыграло со мной злую шутку. Я не подготовилась к новостям и сейчас выглядела откровенно плохо. Не могла даже взять себя в руки и изобразить безразличие. Леди Мила прекрасно видела, что со мной происходит.

– Лорд Фаркоунт так ужасен? – в лоб спросила она. – Я слышала много разных слухов, но не доверяю тому, чего не видела собственными глазами.

Мне нечего было ей ответить. Мы не настолько близки, чтобы я начала рыдать у нее на плече. Но отцовское решение пугало меня. Нешуточно. Если его желание поженить нас с Алексисом Коэрли выглядело нелепо, то это...

Он что, желает моей смерти?

Он готов отдать свою единственную официальную дочь за человека, хоть и богатого, но совершенно беспринципного? Его называли мясником – потому что во время военных вылазок он собственноручно расправлялся с врагами. Делая это с особым садизмом.

Леди Мила вновь глянула на меня, и в её взгляде отразилось слишком уж много понимания.

– Деточка, если тебе понадобится помощь – пиши, – сказала она с неестественно широкой улыбкой. – Ну, знаешь, всякое случается в семейной жизни. Вдруг тебе захочется переехать в южные края. Я с удовольствием предоставлю кров и пищу.

– Спасибо вам.

Тем же вечером пришел приказ от отца – собираться в обратную дорогу. Немедленно.

«Тебя ждут дома», – так он написал в первом письме за всё время моего отчуждения.

Забыв только уточнить, кто именно ждет?

Глава 4

В доме всё было по-старому. Так же шумно, так же многолюдно, как и прежде. Я ожидала, что изменится хоть какая-нибудь мелочь. Я приеду и пойму: здесь скучали по мне, время замерло, без меня всё шло наперекосяк.

К сожалению, моего отсутствия как будто даже не заметили. Слуги приветствовали меня точно так же, как делали это всегда. Теми же словами, теми же поклонами.

Служанка Кира побежала целоваться с матерью, и та рыдала в объятиях дочери. Я же... поздоровалась с отцом, а он ответил мне сухим кивком головы. Не удосужился даже поинтересоваться, как прошла поездка. Или как его дочь жила в южных краях, чем она занималась? Ничего не сказал, а ушел к себе – у него же важные дела. Как всегда.

Почему одних встречают слезами и нежностью, а меня – ежедневной прохладой?

От злости моя магия вновь начала закипать. Только-только я обуздала её, научилась относительно контролировать – как малейшая неурядица вновь сломала едва выстроенную броню. Пальцы онемели. Пришлось надавить на подушечки ногтями, чтобы стряхнуть морозные колючки.

Впрочем, вру. Кое-что всё-таки изменилось. Исчезло любое напоминание об Алексисе Коэрли. Как будто и не было в нашем доме этого человека, не жил он в соседней со мной комнате, не ужинал за одним столом с моим отцом. Растворился. Пропал. Не осталось даже напоминания.

Поддавшись непонятному порыву, я заглянула в спальню, что когда-то принадлежала ему. Вещи лежали на местах, словно дожидались хозяина. Его одежда, несколько книг по ратному делу, которые он читал. Кровать была идеально застелена, и казалось – Алексис вот-вот вернется. Застанет меня врасплох, и я смущусь от собственного любопытства.

Я стояла посреди спальни и не могла отделаться от ощущения, что молодой мужчина просто ненадолго вышел. Правда, слой пыли на обложке верхней книги, лежащей на письменном столе, казался уж очень толстым.

Внезапно дверь приоткрылась.

Я вздрогнула.

– Госпожа... – удивилась служанка, заглянув внутрь. – Что вы тут...

Она не закончила свой вопрос, уставилась на меня во все глаза. Я пожалала плечами, стараясь изобразить равнодушие.

– Хотела поздороваться с Алексисом.

– Так он же... – женщина оглянулась, как будто за её спиной стоял призрак; быстро-быстро перекрестилась слева направо. – Погиб.

Это слово будто ударило меня в грудь острым лезвием.

Пусть мы и не дружили, и наш план по «спасению» провалился – но я больше не испытывала к Коэрли-младшему ненависти. Напротив, он единственный во всем поместье казался мне понятным, почти своим. Он думал точно так же, как и я, он тоже мечтал о свободе и был угнетен тиранией моего отца. Он точно так же стал жертвой обстоятельств – и это делало нас ближе.

– Как...

– Ваш отец... – служанка замолчала, покачала головой часто-часто. – Простите, госпожа. Лучше вам здесь не находиться.

Но его одежда лежала на полках. Почему её не выбросили, если отец расправился с пленником? Почему о смерти Алексиса не сказано ни в одной из газет? Неужели Демид Коэрли не сообщил о гибели младшего сына? Попросту замаял её как что-то незначительное?

Хотя я ведь не знала условий очередного мирного соглашения между нашими семьями. В прошлый раз Коэрли предал родного сына, чтобы получить возможность для наступления. Сейчас же... вполне мог принести его в жертву ради спасения собственной шкуры.

Это было чертовски несправедливо. И ужасно больно.

Сама того не осознавая, я надеялась увидеть Алексиса. Мне хотелось поговорить с ним.

В кабинет отца я вошла без стука. Магия кипела всё сильнее, и мне требовалось хоть как-то выплеснуть эмоции. Я не испытывала трепета, не боялась отцовского гнева. Мне было плевать.

– Ты всерьез хочешь отдать меня за Гарри Фаркоунта? – спросила я с порога.

Отец стоял за столом, на котором больше не лежало огромной карты земель. Теперь там высились какие-то документы. Их было так много, что глаза разбегались.

Он усмехнулся в седую бородку, что отрастил за те несколько недель, что мы не виделись.

– Разумеется. Дочь, – папа глянул на меня почти ласково, – он богатый, у него множество земель, он близок к королю. Не смотри, что его титул ниже моего, он имеет больше власти, чем я сам. Его войско – мощнейшее на континенте. Лучшей кандидатуры не подобрать.

– Недавно ты считал, что лучшая кандидатура для меня – сын Демида Коэрли.

Лицо отца скривилось.

– Не напоминай мне об этом жалком змееныше и его ничтожном родителе.

– Алексис Коэрли мертв? – спросила прямо, и папа ответил без колебаний.

– Да. Поступок его папаши перечеркнул мальчишке любую возможность жить.

Меня затрясло. Я вспомнила серьезные карие глаза нашего пленника, его ухмылку и голос, полный уверенности и силы.

Он не заслуживал смерти.

– Та история в прошлом, – добавил отец. – Сейчас же – всё решено.

– Что именно решено?

Я оперлась ладонями о край стола. Гнев во мне рос и ширился.

– Помолвку сыграем здесь, после чего вы уедете в его имение, и свадебное торжество организует сам Гарри. Он обещает осыпать тебя драгоценностями. По правде, ты давно ему приглянулась, но я медлил. Теперь понял, что бабий век короток, тебе пора стать матерью и женой. Лучшей кандидатуры нам не сыскать.

– Но не лорд Фаркоунт... его предыдущие жены...

– Я не желаю слушать глупые сплетни! – Отец стукнул кулаком по столешнице. – Мэри, я устал тебе повторять: твоё мнение не имеет веса. Ты выйдешь замуж за Гарри. А теперь – убирайся. Нечего отвлекать меня от работы.

Я вышла молча, с гордо поднятым подбородком, с расправленными плечами.

Тем вечером я решила окончательно: перед свадьбой я воспользуюсь шансом и сбегу. Так далеко, как только смогу. Сейчас уходить опасно. Отец поднимет всех своих людей, чтобы разыскать меня – он не допустит побега перед помолвкой. Но в чужом краю... в доме лорда Фаркоунта...

У меня появится шанс.

Отец не пытался ничего изменить, и вторая моя помолвка до ужаса походила на первую. Разве что по правую руку от меня сидел не молодой Алексис Коэрли, а престарелый, дурно пахнущий Гарри Фаркоунт.

Он расплылся в усатой улыбке, увидев меня. Крупная ладонь коснулась проплешины в волосах. Мужчина поднялся и дождался, когда я займу свое место.

– Вы невероятны... – шепнул он голосом, от которого мой желудок скрутило в узел; столь липким он был. – Мэри, я всю жизнь мечтал только о вас. Не верится, что моя дерзкая фантазия сбылась.

Гости всё так же пили и развлекались – и у меня появилось жуткое ощущение, что я попала в какое-то колдовство, которое не позволяет мне вырваться наружу. Я живу в замкнутом круге. Вижу тех же людей, на тех же местах, что шутят всё те же гадкие шутки по поводу нашей первой брачной ночи. Мне не шагнуть ни влево, ни вправо – потому что кругом всё ненастоящее.

Помолвка с Алексисом не вызывала у меня такого дикого, иррационального страха – сейчас же он вгрызся в лопатки. В тот же раз я испытывала смутное чувство покоя, будто близость Коэрли делала меня храбрее. Пусть и иллюзорную, но надежду на лучшее.

Даже её у меня отобрали.

– Мэри, золотце. Вы так напряжены. О чем вы думаете? Я выполню любой ваш каприз. Скажите только, чего вы хотите? – Жених шептал мне на самое ухо, и я с трудом держалась, чтобы не отшатнуться. – Все драгоценные камни мира падут к вашим ногам, только попросите меня. Я подарю вам всё, о чем вы мечтаете.

– Мне ничего не нужно, – пробормотала я, опустив взгляд в тарелку.

– Ну-ну, не спешите отказываться. Вы скромны, и это восхищает меня в вашем характере – но когда мужчина предлагает свернуть перед женщиной горы, не стоит ему запрещать.

Фаркоунт налегал на выпивку наравне с остальными гостями, отплясывал, смеялся, пожимал ладонь моему отцу и обещал в скором времени принести потомство.

Как будто потомство это собирался «нести» он сам...

Я больше не сомневалась. Прежняя робость, что сопровождала меня при мыслях о побеге, растворилась, стоило губам лорда Фаркоунта оказаться у лица. Только его ладонь коснулась моей кожи – во мне зажглась безумная решимость.

Я сбегу.

Мы уезжаем завтра. Отец отдает меня как вещь лорду Фаркоунту, точнее – «доверяет ему безраздельно». Мы едем готовиться к свадьбе, которая обещает собрать половину столичной аристократии. Что ж, я найду способ улизнуть быстрее.

Ещё вчера вечером я выкрала из шкатулки материнские драгоценности. То, что раньше считалось табу, и я даже помыслить не могла о воровстве – теперь не вызвало во мне никаких эмоций.

– Надеюсь, ты бы не обиделась, – сказала я маминому портрету, и мне показалось, что на материнском лице мелькнуло неодобрение. – Эти побрякушки всё равно однажды перешли бы ко мне... или к одной из папиных любовниц, как было с твоими одеждами.

Денег, которые я выручу с их продажи, хватит, чтобы прожить первое время. Снять жильё, найти работу. Я не буду перебирать, возьмусь за любую, какую предложат.

Сегодняшнюю помолвку я воспринимала как мельтешение перед неминуемым побегом.

Жаль только, что решимость эта пришла так поздно.

От жениха крепко пахло алкоголем, и взгляд его становился всё более расфокусированным. Меня раздражал его громкий смех – скорее гогот, – его манера постоянно утирать влажные губы платочком.

Этот долгий день уже шел на убыль, когда мой отец взял слово. Он постучал вилкой по бокалу, и взгляды присутствующих обратились к нему.

– Мой верный боевой товарищ, – прочувственно сказал отец, обращаясь к лорду Фаркоунту. – Мы прошли вместе столько сражений, плечо к плечу бились не на жизнь, а на смерть. Потому... пусть это и помолвка моей дочери, но я хотел бы сделать подарок лично тебе в знак моего уважения и признательности.

Затем он щелкнул пальцами, и двое стражников, кивнув, спешно удалились. Мой жених, довольно похлопав себя по животу, рассмеялся, что только на свадьбу не надо дарить ему жемчугов или шелковых пеньюаров.

– Чай, не невеста хрустальная, чтоб меня одаривать! – ржал он, но было видно, что отцовские слова ему пришлось по душе.

Я непонимающе сощурилась. Появилось дурное предчувствие. Ничем пока не подкрепленное, оно ширилось во мне. Интуиция меня редко подводила, а сейчас она практически ощерилась.

Стражники вскоре вернулись вновь, ведя перед собой... Алексиса Коэрли.

Все погрузились в молчание, ошарашенные открывшимся зрелищем.

Его вывели как какого-то шута или товар, на посмешище публики. Руки его были стянуты кандалами. Он очень изменился за то время, что мы не виделись. Лицо осунулось и заросло бородой, старая одежда болталась на Алексисе как на пугале. Взгляд потух. Он уже не походил на того заносчивого молодого мужчину, которого я запомнила.

Наоборот, его вид вызывал во мне ужас.

Это не мог быть он... не мог быть тот человек, за тренировками которого я наблюдала ночами, который восхитил меня своей несломленной волей...

Если бы во внешности не узнавались его черты, я бы могла подумать, что это какой-то другой пленник.

«Он погиб», – сказала служанка, чтобы отвести меня от запретной спальни.

Что ж, она была недалеко от истины. Выглядел он как оживший мертвец.

– Эрнест, друг! – рассмеялся Гарри Фаркоунт. – Неужели это то, о чем я думаю? – Он назвал живого человека «этим», как будто предмет. – Я думал, он сдох!

– Посмотри на него. Чем не мертвец? Отец от него отрекся, семье он без надобности. Так прими мой щедрый дар, дорогой друг, – хмыкнул отец, подталкивая Алексиса к моему жениху. – Много твоих людей погибло от руки отца этого мальчишки. Теперь ты волен отомстить так, как захочешь. Хоть выпотрошить его и вывесить чучело на въезде в город. Хоть сделать своим личным постельным слугой. Пусть он заплатит за то, какая кровь течет в его жилах.

Фаркоунт смеялся так громко, что смех его доводил меня до отчаяния. Алексис, подпихнутый под лопатки, рухнул к ногам моего жениха и просто сидел, опустив голову, не смея даже шевельнуться. Покорившись своей судьбы или понимая, что он всё равно ничего не сможет изменить.

Он принадлежит моему отцу, а значит, и тем, кому тот его передаст.

Собственный папаша не волновался о судьбе сына – даже не поинтересовался, что произошло с тем. Он предпочел атаковать наши земли, тем самым, по сути, разрешив Эрнесту Утенроду совершить с пленником всё, что заблагорассудится. Договор был нарушен, и жизнь Алексиса перестала представлять хоть какую-то ценность.

Где он провел всё это время? В отцовских темницах, под заключением? Его били? Что он вытерпел за несколько недель, пока я отдыхала на юге?

– Вы говорили, что выполните любой мой каприз и даруете мне всё, о чем я пожелаю? – выпалила я онемевшими губами быстрее, чем успела взвесить все «за» и «против» того, что собиралась совершить.

– Разумеется, душа моя, – радостный лорд Фаркоунт перевел на меня нетрезвый взор. – Я держу свое слово. Вы уже придумали, что может порадовать вашу душеньку? Однако, быстро!

– Да. Раз я могу попросить у вас что угодно, тогда... тогда подарите мне его, – твердо сказала я, ткнув пальцем в поверженного младшего лорда Коэрли.

Мои слова звучали тихо, но отчетливо. Я не колебалась ни секунды. Алексис поднял взгляд на меня, словно не понимая смысла сказанных слов. Лицо его не исказилось, оно осталось всё таким же бесстрастным. Но чувствовался незаданный вопрос.

Фаркоунт удивленно хмыкнул.

– Любовь моя, ты хочешь лишить меня подарка, который я сам только что получил?

Манера его общения резко сменилась. «Вы» исчезло, уступив место покровительственному «ты». Он уже посчитал меня своей.

– Я больше ни о чем вас не попрошу. Подарите мне этого человека в личные слуги. Я обещаю, что сохраню ему жизнь.

– Зачем он тебе?

Не могла же я сказать, что пожалела сына своего врага. Что пришла в ужас от того, что с ним случилось за те недели, что я нежилась в южном поместье. Что он не заслуживает такой судьбы и не должен платить за чужие грехи.

– Я хочу отомстить ему за всю его надменность. Вы же знаете, он должен был стать моим женихом, – проникновенно врала я. – Но этот мужчина был омерзителен в своих словах и поступках. Я жажду мести.

– Кажется, к семейству Коэрли есть претензии не только у нас с твоим отцом! – лорд Фаркоунт обрадовался лишь сильнее. – Что ж. Забирай. Я бы, конечно, с куда большим удовольствием одарил тебя бирюльками или нарядами, но если уж ты хочешь стать хозяйкой этого ничтожества... как я могу тебе отказать.

Он подпихнул Алексиса за цепь ближе ко мне и, склонившись к нему, сказал:

– Отныне любое ее слово для тебя – нерушимый закон. Иначе я вспорю твоё брюхо и оставлю на растерзание грифам.

Алексис слабо кивнул. Мой жених передал мне ключи от оков пленника, и я крепко сжала те в кулаке.

Сердце гулко колотилось меж ребер. Казалось, мой обман вскроется, и меня саму казнят за вранье и нелепую жалость. Но пир продолжался, только отец отвел меня в сторонку и спросил суровым тоном:

– Зачем тебе этот мальчишка?

– У нас свои счета, – ответила я сухо. – Когда я просила тебя не выдавать меня за него замуж, ты думаешь, я была голословна? Нам есть, что с ним обсудить.

Он покачал головой, но ничего больше не сказал.

Праздник закончился поздним вечером. Одни гости разъехались по домам, другие предпочли заночевать в поместье. Лорд Фаркоунт уединился с моим отцом в рабочем кабинете за военными вопросами.

– Ты можешь быть свободна, – сказал мне папа так, будто дал разрешения слуге выйти.

Он закрыл дверь в кабинет перед моим носом.

– Пойдем со мной, – не приказала, но попросила Алексиса.

Мы брели в мою спальню, но, если честно, я не ощущала почвы под ногами. Всё это казалось глупым сном. Я не могла даже подумать, уезжая из отцовского поместья на каких-то несколько недель, что вернусь и увижу Алексиса... в столь плачевном положении. Я помнила его прекрасным воином. Я помнила его невероятно красивым мужчиной.

Во что превратила Коэрли-младшего слепая ненависть моего отца?

И можно ли вновь разжечь в его груди то пламя, что однажды заморозило меня своим светом?

Мы вошли в комнату. Тишина была столь густой, что её можно было намазывать на хлеб. Я сглотнула острый ком и первым же делом расстегнула ключом его кандалы. На запястьях запеклась кровь.

– Тебе нужно помыться. Сможешь?

Он вновь кивнул, едва заметно. Алексис молчал. Я понимала, что между нами выстроена новая стена, и её ещё предстоит разрушить. Кроме того, у меня никогда не было личного слуги, и я не представляла, как нам нужно общаться.

В дальних от столицы городах остались даже рабы – что вообще-то не одобряется и официально запрещено, но все закрывают глаза, – да и к слугам многие хозяева относятся не лучше. Мой папа считается добрым господином, потому что не бьет прислугу, не морит ее голодом и даже платит исправное жалование.

Отношение бывает всякое. Но я-то не собиралась издеваться над Алексисом.

Я вообще не понимала, как поступить. Жаль, что нельзя дать ему свободу. Такого поступка Фарконт точно не одобрит. Наоборот, навлеку на себя ненужные подозрения.

– Тогда иди в ванную, а я... я раздобуду какую-нибудь другую одежду.

По правде, эту нельзя было назвать ничем, кроме ветоши. Нестиранная, разорванная, она выглядела просто ужасно.

Ванная комната примыкала к моей спальне. Я не хотела смущать Алексиса своим присутствием, поэтому предпочла ускользнуть.

Я нашла его же вещи, взяла их из его спальни, в которую прокралась как воришка. Теперь понятно, почему отец не выбросил всё сразу же после нашей неудавшейся помолвки. Чтобы показать: пленник жив, вот его одежда, вот он сам. А что исхудал и избит – ну так никто не обещал, что к нему будут обращаться как к аристократу.

Вернулась обратно и вслушалась в мерный плеск воды.

Лет двадцать назад маги научились подогревать воду с помощью колдовства – с тех пор в каждом уважающем себя богатом доме появились вот такие ванны комнаты. Смешно, что папа, недолюбливающий магию, к подобным новинкам относился благосклонно.

Я сидела на краю собственной кровати, гадая, как быть дальше.

Внезапно до меня донесся удар, как будто кто-то рухнул со всей силой.

– У тебя всё нормально? – Я поскреблась в дверь.

Ответом стала тишина.

Я не колебалась ни секунды, когда рванула на себя дверь в ванную, надеясь, что та не заперта. Повезло.

Алексис сидел в ванне, неловко держась за бортик. Было видно, что он упал и теперь пытается подняться, но не может совладать с собственным телом. Он совершенно ослаб. Не знаю, достаточно кормили ли его (думаю, нет), но мужчина не мог даже встать на ноги.

Я могла бы просто помочь ему подняться или вообще оставить, чтобы не задевать мужскую гордость, но вместо этого стиснула зубы и как есть, в пышном платье, шагнула внутрь ванной. Вода лилась из душевой лейки, и юбки тотчас намокли, потяжелели. Меня это волновало меньше всего. Дурацкое лиловое платье всё равно никогда не станет моим любимым.

Я помогла Алексису встать и, дотянувшись одной рукой до мочалки, а второй придерживая его за поясницу, начала намыливать. Обнаженный он оказался куда более худым, чем показалось мне под слоем одежды. Все ребра проступали наружу. На коже виднелись свежие кровоподтеки и старые шрамы.

– Не нужно, – проскрежетал он совершенно сиплым голосом.

Но я понимала, что даже если он захочет, то попросту не сможет помыться. И решила попросту отстраниться от ситуации и помочь ему, ну, как другу или приятелю. В этом нет ничего зазорного или постыдного. Ему необходим душ. И точка.

– Расслабься, всё хорошо.

Прозвучало как-то глупо, неестественно. Но слова давались мне плохо.

Он, наоборот, весь напрягся, но не стал спорить. Лишь закрыл веки и позволил мне «хозяйничать» с его телом. Я была быстра, но аккуратна. Намыливала и смывала, стараясь не смотреть никуда, кроме лица Алексиса.

Затем, закончив, выдохнула с облегчением.

– Прости, я должна была тебе помочь. Одеться сможешь или...

– Смогу, – скрежетнул мужчина зубами, и я решила не лезть.

Постою за дверью. Послушаю.

Он вышел через несколько долгих минут. Пусть и посвежевший, но определенно слабый. Вещи свисали с него будто с садового пугала, так сильно он исхудал. Застыл на пороге, будто не зная, куда деться. Я жестом указала на кровать. Пусть лежит и отдыхает.

– Когда ты в последний раз ел? – спросила строго.

Алексис неоднозначно усмехнулся.

– Ясно. Жди.

Я принесла с кухни остатки пиршества, подвинула к мужчине поднос, заставленный едой и питьем. Набрала всего понемногу.

– Позволь мне подлечить тебя... я умею... – и объяснила, хоть Коэрли-младший и не спрашивал: – Последние месяцы я изучала теорию магии, но немного занималась и практикой, на самой себе. Вылечить раны – смогу.

– Делай что хочешь.

Прозвучало без всяких эмоций. Алексис так и сидел на кровати, не притронувшись к еде. Взгляд его был пуст.

– Куда делся тот надменный индюк, который так сильно меня бесил? – внезапно для самой себя я разъярилась.

Мужчина сощурился, как будто и сам внутренне пытался найти ответ на этот вопрос. Постоянные истязания вытрепали его, ослабили. Он перестал надеяться. Но мне было плевать – я собиралась сделать всё, чтобы однажды увидеть прежнего Алексиса Коэрли.

– Сейчас ты поешь, это приказ. Затем я вылечу твои раны. А потом ты ляжешь спать. Ясно?

– Да.

– Я должна ненадолго отойти. Чтобы, когда я вернулась, тарелки были пусты.

Разумеется, никуда мне было не нужно, разве что переодеться и высушиться – но стоять над душой у Алексиса я не собиралась. Пусть сам разбирается и с едой, и со своими мыслями.

Захватив чистые вещи и полотенце, наскоро помывшись, бесцельно я слонялась по поместью, пока прислуга носилась туда-сюда, убирая за гостями последствия застолья. Я даже помогла с посудой – хоть на меня и шикала экономка, считая, что хозяйке, да ещё и в день своей помолвки не престало пачкать руки. Но мне требовалось хоть чем-то себя занять.

Когда я вернулась, Алексис Коэрли дремал. Он подскочил, стоило мне переступить порог. Сонно сощурился. Поднос не был пуст, но еды на нем значительно убавилось – меня такой расклад устраивал.

Он никак не отреагировал, когда я попросила снять рубашку и положила ладони на вспухшую от шрамов кожу. Энергия потекла сквозь пальцы. Нерастраченная, хаотичная, она не умела правильно выплескиваться, а я не знала, как её контролировать. Пусть в теории всё и выглядело складно, но опыта мне явно недоставало. Я тыкалась как слепой котенок, ориентируясь скорее на интуицию, чем на магические знания.

Определенно, когда сбегу – займусь колдовской наукой. Отыщу нормального учителя-практика, восполню пробелы в знаниях. Если много тренироваться, то можно добиться успехов. Пусть отец и считает, будто магия для простолюдинов, но мне плевать.

Скоро я перестану от него зависеть.

Спустя некоторое время самые свежие раны начали затягиваться. Это привело меня в восхищение. Получилось!

– Теперь – спи.

Я задумчиво посмотрела на огромную кровать, где спокойно разместилось бы два человека, но решила, что мне в этом доме найдется местечко. Пусть он отоспится.

– Добрых снов, – зачем-то сказала перед тем, как уйти.

Алексис меня проигнорировал. Ночь я провела в его спальне, на старых, давно не меняемых простынях, что сохранили запах кожи мужчины. Древесный, лесной, свежий-свежий.

Или мне только казалось, что запах принадлежит ему?

...Мы отъезжали на рассвете, и в моей повозке, в ногах, ехал мой новый личный слуга – Алексис Коэрли.

Глава 5

Дом лорда Фаркоунта был ужасен. Двухэтажный, гигантский, некрасивый, будто выстро-енный тяп-ляп. Куча галерей и комнат, коридоров, ведущих незнамо куда. Двери, за которыми располагались некрасивые спальни, лишенные хоть какого-то изыска.

Лорд распорядился показать мне «хозяйство», после чего ушел, и теперь тощий, лысый дворецкий, похожий на упыря из сказок, водил меня взад-вперед, вверх-вниз. Признаться, я запуталась уже спустя полчаса ходьбы. Голова начала кружиться. Как в этом ориентироваться?!

Алексиса хотели куда-то увести, но я сообщила, что мой личный слуга всегда должен находиться подле меня. Вот такая бабья прихоть, уж извините. Но мало ли что может случиться в этих стенах. Мне будет спокойнее видеть его рядом с собой.

Здесьняя прислуга разительно отличалась от нашей. Она была... зашуганная донельзя: взгляд опасалась поднять, разговаривала шепотом, ходила на цыпочках. Так боялась хозяина?..

– А это ваша спальня до момента свадьбы, – объявил, наконец, дворецкий, открыв передо мной очередную дверь.

Комната ничем не отличалась от предыдущих. Дорого обставленная, но такая несимпатичная, что выть хочется. Даже глазу не за что зацепиться. Огромная кровать на львиных ножках, большущее трюмо, в которое одновременно может смотреться человек пять. Отдельная комната под гардероб. Ванна имелась, в ней можно было при желании утопиться.

Определенно, лорд Фаркоунт страдал гигантоманией.

Уточнение про свадьбу мне тоже не понравилось. Впрочем, ожидаемо: супруги должны делить общее ложе. Что ж, надеюсь, к тому моменту я буду где-то далеко, начну новую жизнь, а бедняжке-Фаркоунту придется искать себе новую невесту.

– Ваш слуга будет жить в комнатах с остальной прислугой. Поверьте, там достойные условия, – добавил дворецкий, заметив моё сомнение. – Лорд Фаркоунт нас не обижает.

Ну-ну, по вам видно, как вас не обижают.

Я бы хотела оставить Алексиса с собой и на ночь, но понимала, что это может показаться чем-то странным и даже неприличным. Мужчина, спящий в одной комнате с хозяйкой? В прошлый раз мне это простили, потому как после помолвки все были пьяны и попросту забыли о Коэрли. Но больше так поступать нельзя. Иначе подставлю нас обоих.

В дороге сюда нам приходилось довольствоваться постоянными дворами, и Алексис спал где придется: в конюшнях или прямо в повозке. Но я украдкой приносила ему еду, подлечивала раны и следила, чтобы условия были подходящими. Он не жаловался. Он вообще общительностью так и не отличался.

– Хорошо. Если он срочно мне понадобится, где я смогу его найти?

– Пойдемте, я покажу вам, – сказал дворецкий и бесшумно шмыгнул из комнаты.

Не сказать, что слуги жили в каких-то прям-таки шикарных условиях, но всё выглядело относительно недурно. Несколько комнатенок, хоть и маленьких, но теплых, примыкающих непосредственно к кухне. Женщины – отдельно; мужчины – отдельно. Есть даже собственное подобие ванной комнаты, пусть и одной на всех слуг.

Я бросила беглый взгляд на Алексиса. Внешне его, сына герцога, совершенно не смущало то, где ему предстояло обитать. Что ж, по крайней мере, здесь есть лежанка с одеялом, а на завтрак дадут тарелку похлебки.

Скоро мы отсюда сбежим – разумеется, я собиралась взять Алексиса с собой, – потому пусть потерпит. Надо намекнуть ему, что ждать осталось недолго. Вдвоем нам будет гораздо проще.

Конечно, не о такой судьбе он мечтал, когда договаривался со мной о перемирии – но я свои обещания тоже держу. Я его тут не оставляю. Ни за что.

После мой жених (явно страдающий от ежедневного похмелья, потому как постоянно прикладывался к бутылку с обезболивающим зельем) показывал свои владения. Бесконечные сельскохозяйственные угодья, сады и леса. Гарри Фаркоунт безмерно любил и себя самого, и всё, чего он добился на военной службе у короля.

– Моим землям нужна твердая женская рука, но не всякая потянет такие масштабы, – хвастался он.

«Угу, то-то прошлые жены отправились на тот свет почти сразу же после свадьбы. Видимо, были слабоваты», – мрачно думала я, цепляясь взглядом за дороги, холмы и озера.

Надо запомнить, где лучше спрятаться, где меньше шансов, что нас отыщут и вернут лорду. Карты местности тоже не помешает изучить, как и расстояние до ближайших городов.

Закончив с осмотром, жених оставил меня у въезда в имение.

– Можешь посмотреть на конюшни или сады, – сказал он так, будто женщин ничего не должно волновать, кроме лошадей или фруктов. – Встретимся за ужином, любовь моя.

Он ушел, а я покрутилась на каблуках, не спеша запираюсь в доме. Недалеко от основного дома располагалась личная кузница лорда. Ею Фаркоунт тоже гордился до безумия, потому как всё его победоносное оружие было выковано именно там.

Я решительно двинулась внутрь.

Кузнец – крупный усатый мужчина лет сорока – явно не перетруждался. Конкретно сейчас он обнаружился сидящим на колченогом стульчике и почитывающим утреннюю прессу. Я начала догадываться, кому лорд Фаркоунт позволяет многое, а с кого дерет три шкуры. Остальная-то прислуга не выглядела расслабленной.

– День добрый! – Он подскочил, приметив меня. – Что достопочтенная невеста господина позабыла в моей скромной кузне?..

– Здравствуйте, – я чуть поклонилась. – Если честно, я с очень странной просьбой. У вас не будет какого-нибудь старого меча? Такого, какой не жалко отдать?

– Леди умеет сражаться? – фыркнул кузнец в густые усы.

– Леди жаждет научиться, – улыбнулась я. – Мне сгодится любое барахло, самого жуткого качества. Я всегда мечтала тренироваться, но, сами понимаете, в отцовском доме никто не позволит девушке заниматься подобным.

– Любопытное желание, хех. Да металла полно. Вон, возьмите этот, раньше он был неплох, но годы не щадят даже оружие. Ранить вы им никого не сумеете, а для тренировок пойдет.

Кузнец вытянул передо мной короткий меч, пальцем провел по зазубринам на лезвии, показывая, что то безопасно. Выглядело оно печально. Таким только бить наотмашь и желательно по затылку. Но я со словами благодарности взялась за рукоять.

Какой тяжелый!

Для моих целей сгодится.

По правде, с мечами я дел никогда не имела и не собиралась учиться обращаться с ними. Но был Алексис. Если он управлялся с палкой, то сможет извлечь что-то и из настоящего оружия? Ему нужно тренироваться, чтобы вернуть хотя бы подобие былой формы. С изнеможенным пленником я далеко не уйду, а вот с воином – есть все шансы.

– Спасибо за вашу доброту!

Я потащила меч в дом, изо всех сил пытаюсь не показать, что он оттягивает мне руку. Взвалить бы его на плечо наподобие коромысла – но кузнец точно не оценит подобного обращения.

Запихнув ржавую рухлядь под кровать, я выдохнула. Никогда не знаешь, какая ерунда может пригодиться в быту.

За ужином я сообщила про меч, который якобы взяла для своего развлечения. Врать нельзя, кузнец первый же расскажет хозяину, что невеста того раздобыла себе оружие.

Лорд Фаркоунт посмеялся, но не стал запрещать мне «играться».

– Чем бы жена ни тешилась, – гоготнул он, облизывая мокрые губы. – Я думал, тебе больше по нраву магическое искусство?

– Так и есть, но я с детства грезил о битвах. А когда увидела вашу кузню... Ох, она прекрасна, я не смогла удержаться. Оружие – вот в чем истинная мощь. Не в каких-то заклинаниях! И вы – тому живое доказательство. Вы столько добились благодаря военному делу, – я начала откровенно льстить, и моему жениху явно понравились сказанные слова.

– Ты права, все мои награды получены в битвах, – он довольно сощурился. – Никакие маги не сравнятся с настоящим воином. Ладно уж, занимайся. Запрещать не буду. Но ты же и сама знаешь, что как только мы поженимся, твоей первостепенной задачей будет не баловство, а рождение наследников?

– Конечно же, – я покорно опустила взор.

В день нашей свадьбы меня здесь не будет. Но вам, дражайший жених, знать об этом незачем.

С Алексисом я смогла встретиться лишь на следующий день. Вызывать его к себе вечером, на ночь глядя, побоялась – пойдут нехорошие слухи. Потому увиделись мы уже после завтрака.

– Ты сможешь с этим что-нибудь сделать? – спросила я, едва заперлась с ним в спальне, и полезла под кровать за мечом.

Алексис скептически глянул на моё «подношение», не спеша брать его в руки.

– Смогу. Выбросить. Это же грудa железа, – поморщился он.

– Ах, простите, господин герцог. Что смогла, то и раздобыла. – Я всё-таки всучила меч и сложила руки на груди. – Ты вообще занимался с палкой!

Надо сказать, что за пару дней вне темниц к нему явно начало возвращаться прежнее настроение. Он больше не походил на оболочку себя прошлого. Мужчина хоть и исхудал, но выглядел вполне сносно. Во взгляде вновь горело непокорное пламя.

– И чего ты от меня хочешь? – он осмотрел меч, крутанул его в обеих руках, примеряясь к весу.

Я порадовалась, что комнаты в доме такие огромные, что в них можно танцевать толпами – не то, что размахивать оружием.

– Продолжи тренировки. Я не собираюсь задерживаться в этом месте. Мы сбежим в ближайшее время – и будет неплохо, если ты сможешь хоть как-то нас защитить. Ржавая «грудa железа», – передразнила Алексиса, – гораздо лучше, чем её отсутствие.

– Я не ослышался? Что мы собираемся сделать? Сбежать?

Его бровь насмешливо изогнулась.

– План всё ещё в силе, – усмехнулась я, напоминая о том, старом нашем соглашении. – Я не намерена становиться чьей-то женой. Ты обещал мне свободу.

– Ну, с тех пор кое-что поменялось. – Мужчина отложил меч в сторону. – Мой отец дал понять, что младший сын ему не так уж и нужен. Дома меня никто не ждет.

– А без отца?..

Он призадумался.

– Можно обратиться к дальним родственникам со стороны матери. Хм, надо подумать. Значит, ты для этого забрала меня себе? Стребовать старое обещание?

Я нахмурилась. Всей правды ему не скажешь. Не поймет, не поверит.

– Да. Кроме того, я остро нуждаюсь в защитнике. Одинокой девушке сложно выжить в столице. Пообещай помогать мне хотя бы первое время, а дальше я разберусь.

Алексис смерил меня взглядом, и я не понимала, что конкретно в нем читалось. Не раздражение и не насмешка. Что-то иное. Сложное.

– А что с твоей магией? – внезапно спросил он.

– А что с ней не так?

Я посмотрела на растопыренные пальцы, словно они были чем-то перепачканы.

– От неё веет могильным холодом. Когда ты прикладывала руки, меня будто насквозь прошибло.

Э-э-эм. Я читала о многих побочных эффектах заклинаний, но среди них определенно не значился могильный холод. Тем более во время лечения. Регенеративная магия вообще считалась одной из самых безболезненных и элегантных. Мастера-целители способны излечивать неощутимо, легким прикосновением кончиков пальцев.

М-да. Даже тут я всё сделала неправильно.

– Странно. Так не должно быть.

– Я догадываюсь. – Мужчина вдруг улыбнулся. – Впрочем, мне жаловаться не приходится. Вылечила, и спасибо.

Между нами словно окончательно растопили ледяную стену, что была выстроена с первого дня, как Коэрли-младший прибыл в поместье. Пусть мы и общались, и перестали друг друга люто ненавидеть – но о приятельстве говорить не приходилось. Все наши диалоги были пропитаны недоверием.

Теперь я ощутила себя рядом с ним в безопасности. То чувство, которое преследовало меня на нашей помолвке, лишь усилилось. Я ведь даже не соврала, сказав, что не справлюсь в одиночку. С ним не так страшно – без него гораздо хуже.

Кстати, насчет помолвки.

Я отошла к окну, выглянула во двор, думая, как лучше сформулировать вопрос. Но решила не усложнять.

– Что произошло на помолвке? Меня попросту увезли, а ты...

– Тебе не сказали? – Алексис явно был удивлен. – Твой папочка даже мне сообщил раз восемьсот о причинах твоего отъезда. Что ж. Мой отец пообещал найти тебя и перерезать тебе горло, если женитьба всё же состоится. Он грозился жечь земли, убивать людей – но дойти до поместья и содрать с тебя шкуру. Договор между нашими семьями был нарушен. Войска Коэрли уже ступили на территорию Утенродов – ты была права, когда рассказывала о письмах и картах. Потому моя судьба перестала кого-либо волновать. По всем законам меня могли убить в тот же день.

Я вспомнила шрамы на его теле, совсем свежие и застарелые. Ему пришлось тяжело. Но он выдержал и сейчас выглядел почти нормального. Не сдался. Не сломался.

Невероятный человек.

– Но это же несправедливо!

– А кто говорит о справедливости, когда речь заходит о многовековой вражде?

Сложно было с ним поспорить.

Я старалась проводить с Алексисом всё свободное время – чтобы он мог тренироваться. Да и мне самой было проще заниматься магией при нем. Спокойнее, что ли. Поначалу я ещё стыдилась собственной неопытности, но с каждым новым днем приходило всё больше расслабленности. Мы в одной лодке. Мы повязаны. У него тоже получалось не так виртуозно, как несколько месяцев назад – сказывались недели, проведенные в заточении.

Но Алексис не сдавался, и я хотела ему соответствовать.

Он открыто не хвалил меня, но иногда одобритительно кивал или смотрел слишком уж пристально за моими мучениями. Его немая поддержка придавала уверенности.

Лорд Фаркоунт на нелепые забавы, как он выразился, внимания поначалу не обращал. Он даже выделил для моих «тренировок» помещение – и пока Коэрли-младший упражнялся с мечом, я наблюдала за дверями, убеждаясь, что к нам никто внезапно не нагрянет на огонек. А то очень удивятся, что меч не в моих руках, а у моего слуги.

Наше уединение возмущения у лорда не вызывало. Я несколько раз спрашивала, не смущают ли его мои занятия, но он хохотал и говорил, что лучше пусть женщина бежит с мечом, чем – с молодыми любовниками.

– Я тебе доверяю, любовь мой, – уверял Фаркоунт, и это меня окончательно расслабило.

В свободное время я подкармливала Алексиса булочками, которые тащила с кухни якобы для себя. Он понемногу набирал вес, перестал походить на ходячий скелет. Правда, до былой формы ему было далековато.

Спустя две недели непрерывных занятий мой жених всё же проявил недовольство. Его как будто подменили, так резок был перепад настроения.

– Мне не нравится, что ты уделяешь этому щенку времени больше, чем своему жениху, – заявил он как-то днем, гуляя со мной по саду. – Вы что-то замышляете?

Прозвучало пугающе. А если Фаркоунту известно о наших намерениях? А если он запретит мне видаться с Алексисом?

К счастью, лорд и сам рассмеялся, показывая, что всего лишь пошутил надо мной.

– Мне тоже требуется ласка, любовь моя! – с укоризной заявил он. – Неужели я тебе не мил?

Я изобразила искреннюю обиду, даже некоторое возмущение от услышанного.

– Не шутите со мной так. Все мои мысли заняты вами, лорд. Я просто пытаюсь надышаться до свадьбы. Вы сами сказали, что придется отбросить всё это после церемонии. Я безмерно благодарна за возможность развлечься. Я тренируюсь всего час в день, как и говорила вам...

– Это замечательно. Но если по дому поползут слухи, что ты и Коэрли...

Он нехорошо замолчал, точно уже обвинял нас в чем-то гадком. Теперь настало время округлять глаза и возмущенно ахать.

– Да как вы могли так обо мне подумать?! – я прикрыла рот ладонью. – С ним?! Он же... он же омерзителен! Я тренирую с ним замахи, он научен сражаться и подсказывает, как правильно держать оружие. А так – никогда даже не помыслила бы.

– Я тоже научен сражаться и тоже могу дать пару дельных советов по поводу оружия.

– Вы постоянно заняты. Я не смею вас отвлекать.

– Ты меня услышала, а дальше – делай выводы сама, – веселость окончательно ушла из голоса. – Я отдал тебе мальчишку и не претендую на него не для того, чтобы ты забавлялась с ним в насмешку надо мной.

Сказав это, он надолго замолчал, а потом и вовсе поспешил развернуться в сторону дома.

Я давно заметила, что душевное состояние лорда переменчиво как весенняя погода. Он то смеялся, то через секунду мог нахмуриться, отвесить оплеуху слуге за малейшую оплошность, а после – вновь весело расхохотаться.

Холодок пополз по моим плечам. В тоне Фаркоунта звучала неприкрытая угроза, и было бы глупо продолжать заниматься чем-либо после его слов. Придется придумать другой способ видаться с Алексисом.

Открыто нам не запретили встречаться, но от длительных тренировок точно лучше отказаться.

Тем же вечером я пошла искать Алексиса. Он не гнушался работы и наравне с остальными слугами занимался домом. Это меня, кстати, тоже поразило. Какой аристократ, пусть и находящийся во временно стесненных обстоятельствах, добровольно возьмется за топор, чтобы наколоть дров?

Понятно, что хочешь или не хочешь, а заставят – никто твоего мнения не спрашивает. Но в его движениях и мимике я не видела презрения. Он работал спокойно, без принуждения. Его будто бы всё устраивало.

Сегодня я не обнаружила его ни в одном из привычных мест. Алексис нашелся в сарае для сена. Но занимался он там совсем не тем, о чем можно было подумать.

Я вошла в тот момент, когда трое крупных мужчин кинулись на него с кулаками, а четвертый напал из-за спины. Алексис с легкостью маневрировал и сделал подсечку, но численность побеждала над умениями. Не представляю, чем бы это закончилось, если бы не мой возмущенный крик. Все тотчас расступились и потупились аки девицы на выданье.

– Что тут происходит?!

Алексис единственный, кто не побледнел и не принялся оправдываться. Напротив, он был даже взбешен, что ему помешали получить по лицу. Шрамы украшают мужчину? Кажется, Коэрли собирался набрать их побольше.

Уже позже я увидела сидящую на сеновале девушку, одну из служанок лорда Фаркоунта. Она поправляла сбившийся рукав платья и смотрела на меня огромными глазами.

– Кыш отсюда, иначе донесу управляющему, – сказала я, и мужики, извиняясь и причитая, разбежались кто куда.

Алексис остался стоять, девушка испуганно облизала губы и пролопотала:

– Госпожа... пожалуйста...

– Ты что творишь?! – не замечая её, я надвинулась на безмятежного как камень Коэрли.

– Они собирались надругаться над ней, – ответил он, стиснув зубы. – Ты, наверное, не замечаешь, но здесь это норма. Девичье согласие не стоит ржавой монеты.

Девушка позади него показательно всхлипнула.

– Они могли избить тебя до полусмерти.

– Я не настолько слаб.

– Их четверо!

– О чем ты переживаешь? Что твой защитник может немного поломаться? – усмешка исказила его губы.

Служанка съежилась, услышав неповиновение в голосе Алексиса. Она всей глубины наших отношений не знала, но разговаривать с хозяйкой как с себе равной – недопустимая вольность.

Черт. Если поползут слухи, что я позволяю с собой так общаться...

– Придурок, – шикнула я. – Какой же ты идиот. Немедленно убирайся, над твоим наказанием я подумаю завтра. Эй. Ты как? Цела? – постаралась обратиться к служанке ласково. – Я поговорю насчет произошедшего с управляющим дома. Больше тебя никто не обидит.

– С-спасибо в-вам. Я в порядке. М-могу идти?

– Да, конечно.

Она резво и совершенно без страха, как будто только что не хлюпала носом, нагнала Алексиса и пробормотала ему:

– Постой. Я отблагодарю тебя, как пожелаешь...

Несколько удивительная реакция для жертвы, которую минуту назад собирались обеспечить, да ещё и вчетвером.

– Не стоит, – отрезал мужчина, удаляясь из сарая.

Я обреченно застонала. Вроде ничего такого не произошло, но каждый новый шаг всё сильнее расшатывал и без того неустойчивое положение. Точно идешь по подвесному мосту, а с обеих сторон – пропасть.

Управляющий выслушал меня со святым неверием на лице, хотя чувствовалось – он об обстановке наслышан, но не собирается ничего с этим делать. Всех всё устраивает.

– Госпожа, я обязательно разберусь с парнями, – склонился передо мной в поклоне.

Угу, надеюсь на то.

– Кроме того, надеюсь, вы проследите, чтобы стычка с моим личным слугой не продолжилась, например, ночью или утром? Мало ли у кого из "парней" появились к нему претензии?

– Обещаю лично проконтролировать ситуацию. Если только ваш слуга не полезет драться первым... – заискивающим тоном подтвердил мужчина.

Ну, надеюсь, Алексис понимает с первого раза.

Раньше же понимал...

Я не могла даже представить, чтоб в отцовском имении кто-то покусился на женщину. Это было отвратительно. Попросту невысказано. Здесь же, как я успела заметить, вообще царили особые нравы. Все без исключения тряслись при виде лорда Фаркоунта – да и он бывал откровенно не сдержан. Ударить слугу за ошибку, нахамить, оскорбить, запретить в погреб без еды на несколько суток в назидание остальным? В порядке вещей.

Но и сами слуги от хозяина не отставали. Они доносили друг на друга, с удовольствием склочничали, подставляли слабых, издевались над ними. Всё, что угодно, пока это сходит с рук. Как оказалось, девичья честь для них тоже не имеет никакого значения.

– Не подставляйся, – попросила Алексиса утром, когда вызвала его якобы для наказания.

– Я не научен иначе, – пожал он плечами. – Я не смогу пройти мимо.

– Лорд и так начинает подозревать нас в особых связях. Если ты начнешь драться с его прислугой – он вообще с ума сойдет от злости.

– Я тебя услышал.

– Я рада, что ты умеешь слушать. Осталось научиться думать, – огрызнулась я.

Нехорошее предчувствие не покидало последние часы. Всю ночь я пролежала без сна – дурные мысли лезли в голову. Терзали, мучили, измывались надо мной. Задерживаться больше нельзя. Пора бежать, пока ловушка не захлопнулась над моей головой.

Подготовка к свадьбе шла полным ходом, дом намывали и украшали, мне готовили бело-снежное платье. Приглашения давно разослали по гостям. Всего несколько дней отделяло меня до часа, когда назад дороги не будет. Хватит оттягивать неминуемое. Основную информацию я и так выведала. Запас еды, которая не испортится в дороге – сделала.

– Постараюсь, – кивнул Алексис и вдруг сказал несколько пристыженным голосом: – Черт. Прости. Я догадываюсь, что подобными поступками подставляю не только себя. Но...

– Ты не можешь иначе, – махнула я рукой. – Ладно уж. Забудь. У нас есть проблемы важнее. Фаркоунт совсем обозлился из-за того, что я провожу с тобой слишком много времени.

– Ревнует? – язвительно уточнил мужчина.

– Угу. Поэтому тренироваться мы больше не сможем, да и вообще не уверена, что нам стоит мозолить ему глаза. Пора задуматься о побеге. Ты достаточно восстановился?

– Обо мне не беспокойся. Назови дату. У меня мало вещей, думаю, управлюсь со сборами за десять минут, – невесело пошутил он.

– Хорошо, сегодня я обдумываю, как нам лучше поступить. И завтра... завтра мы уйдем. Завтрашним вечером, через час после отбоя, жду тебя у сеновала. Тебе не привыкать туда ходить, – не удержалась от ехидства. – А теперь возвращайся к прислуге и скажи, что тебя наказали. Отчитали или даже ударили. Придумай что-нибудь жалостливое. Насчет завтрашнего своего исчезновения тоже что-то выдумай заранее, чтобы тебя не искали. Понял?

– Так точно, моя королева.

И улыбнулся. Почти искренне.

Весь следующий день я разыгрывала спектакль. Сообщила, что разболелась голова – ах, накатила мигрень, теперь несколько дней проваляюсь в постели, – даже не вышла обедать к Фаркоунту. Извинилась, сославшись на плохое самочувствие.

Тот, по всей видимости, к женским слабостям привык – потому мое отсутствие его не разозлило. Мне носили зелья и пастилки, заваривали лечебные травы. Я лежала с болезненным видом, а сама обдумывала план побега.

В кошельке лежали материнские драгоценности. Но, чтобы их потратить, нужно добраться до города. Брать лошадь опасно – слишком громко. Придется идти пешком, а скакуна выкупить в какой-нибудь деревне. Благо, далеко не все сельчане поставлены в известность о будущей жене лорда Фаркоунта. Для них мы с Алексисом будем просто путешественниками, которым очень не повезло, и их кони, например, издохли от болезни.

Всякое случается.

За звонкую монету люди закроют глаза на явные нестыковки в нашем рассказе.

Идея зрела в голове, обрастая подробностями.

Меньше часа оставалось до встречи с Коэрли. Я про себя проговаривала, всё ли убрала в сумку, подготовила одежду. Раньше времени высовываться не буду.

Внезапно в дверь постучали.

Я рухнула на кровать, приложив на лоб смоченную настоем тряпицу.

– Не переживайте, у меня всё есть, я бы хотела просто полежать, – пробормотала слабым тоном, думая, что там очередная служанка.

Но внутрь зашел Гарри Фаркоунт. С неизменной гадкой улыбочкой, блестящими губами и выдающимся животом, который он поглаживал рукой так, словно носил в себе ребенка, а не двадцать килограмм лишнего веса.

Раньше он не лез в мои покои, и теперь его визит вызвал во мне очередную волну паники. Да ещё и в такой неудобный момент. Надеюсь, женишку и самому наскучит общество нездоровой невесты, и он пойдет по своим важным делам: напиваться вином, как он делал почти каждый вечер.

– Как ты, золотце? – Он сел на край кровати.

– Хотела бы я сказать, что лучше, но голова разрывается... – простонала я, прикладывая ладонь к тряпке на лбу. – Не могу даже пошевелить ею. Но, думаю, крепкий сон поможет. Спасибо за ваше беспокойство.

Фаркоунт даже не услышал моих слов. Его ответ не волновал – он был изрядно пьян, а потому жаждал общения. Облизывал губы, почесывал затылок.

– Ты ведь не слышала о том, как я познакомился с королем? – поинтересовался он и, не дожидаясь, заговорил: – Шла зима. Я розовощеким мальчишкой ушел защищать отцовские края...

Целый час он трещал без умолка, пока драгоценное время утекало сквозь пальцы. Зачарованная стрелка бежала на часах, отчитывая минуты, намекая, что я опоздала. Алексис там совсем один. Ждет.

Черт.

Мои намеки жених пропускал мимо ушей. Когда я изображала, будто засыпаю от усталости, он тормозил меня за плечо – и продолжал рассказывать о своих боевых успехах и о том, что хозяйству требуется женская рука. Он повторял одни и те же фразы по нескольку раз, восхищался моей красотой.

– Ты невероятна, я мечтал о тебе все те годы, что приезжал в гости к Эрнесту. Помню тебя совсем юной девчушкой. И вот, ты моя... – бормотал, хватая меня за ладонь. – Не верится, что совсем скоро мы разделим брачное ложе.

К его чести, он не приставал ко мне – пока, – но его движения и без того были довольно откровенны. Я не сопротивлялась, хоть внутри и холодело от его слов и касаний. Продолжала вздыхать по поводу мигрени – изображала умирающую дурочку...

...которая опоздала на встречу с Алексисом на целых полчаса.

– Так-с, а про знакомство с твоим папенькой я тоже ни разу не обмолвился! – ударил жених ладонь об ладонь. – Сегодня такой день, когда скончался мой собственный отец, и мне пришлось взвалить на себя груз ответственности за фамилию. Я несколько размяк. Прости старика за язык без костей. Но с кем ещё мне обсудить былые подвиги?

Он попытался меня поцеловать, но я увернулась.

– Мэри, мы почти муж и жена.

– Я с радостью отдам всю себя вам... после свадьбы, – ответила твердо.

– Строптивая, но мне это нравится. Препные мои жены были слишком уж мягкотелы.

Послушай...

В эту секунду в дверь постучали. Каждый удар – как биение моего сердца, что колотилось сильнее и сильнее.

В комнату заглянул Алексис.

– Госпожа, с вами всё в порядке? – спросил он негромко, сразу оценивая ситуацию и изобразив покорного слугу.

Но даже эти, совсем обычные слова возмутили Фаркноута до глубины души. Он подскочил, и лицо его начало стремительно багроветь.

– Что он тут делает?! Он ходит к тебе на ночь глядя?! Зачем?!

– Он просто...

– Щенок, если ты думаешь, что можешь воспользоваться моей невестой, то я тебя разочарую!

Алексис стоял истуканом, с непроницаемым выражением лица. Понимая, что любое лишнее действие опасно, и лорд себя не контролирует, он не пытался оправдаться. Я же по глупости подумала, что смогу утихомирить Фаркоунта. Осторожно взялась за его запястье.

– Послушайте, вы не так поняли...

– Не лезь ко мне. Вы оба сговорились против меня! – вскричал он и отпихнул меня локтем со всей силы.

Больно не было, скорее – неприятно. Я влетела обратно в подушки. Лорд навис надо мной с занесенным кулаком. Но ударять не спешил – высматривал мою реакцию. Ожидал дикого ужаса. Я же собиралась подняться, чтобы продолжить успокаивать взбешенного и очень нетрезвого жениха.

– Я не давал тебе разрешения подниматься! – Фаркоунт отвесил мне пощечину. Голова дернулась, в глазах загорелись алые точки.

И тут произошло то, чего я никак не могла предугадать.

То, что стало последней каплей.

Алексис Коэрли кинулся на Гарри Фаркоунта и легким движением отбросил его в сторону.

– Не смей её касаться! – рыкнул он совершенно чужим голосом.

Клянусь, ладонь его потянулась к бедру, где, наверное, у воинов должны быть ножны. Нашупав лишь пустоту, он поморщился. Лорд возмущенно застыл.

– СТРАЖА!!! – закричал он во всю глотку.

Это был конец.

Когда Алексиса скрутили и увели, лорд Фаркоунт склонился ко мне. Глаза его налились алым. Губы посинели. Он тяжело, с присвистом дышал.

– Тебя завтра же с утра осмотрит маг. Если окажется, что твоя невинность отдана этому уродцу, то тебе и твоему отцу придется заплатить за падшую дочь сполна. – Он глянул на меня с неприязнью. – Что касается твоего своенравия. Ты можешь сопротивляться еще несколько дней. А потом... я всё равно получу желаемое. Молись, чтобы ты смогла пережить ту ночь.

Выплюнув каждое слово как яд, он покинул мою спальню.

Дверь заперли на ключ.

Глава 6

Маг пришел ранним утром. Поправил очки, что спадали с крючкообразного носа. Глянул на меня исподлобья.

– Расслабьтесь, госпожа. Я управлюсь быстро, – объявил он скучающим тоном.

Это было омерзительно. Меня досмотрели, ощупали, досконально проверили мою ауру, разве что в рот не заглянули и зубы не пересчитали. Каждое свое наблюдение маг фиксировал в книжечке с черной обложкой. Иногда он посасывал карандаш, иногда тяжело вздыхал.

Мне было нечего стыдиться и не о чем тревожиться. Поэтому все досмотры приняла с честью, как нечто неприятное, но необходимое.

Поговаривают, на королевских отборах с конкурсантками творят нечто подобное – и ничего постыдного в этом нет. Но я не конкурсантка, и моя честь не должна вызывать ни у кого вопросов. Я не совершила вещей, которые могли бы намекнуть на мою распутность. Так почему должна проходить унижительные процедуры?

Впрочем, куда больше меня волновал другой вопрос.

Судьба Алексиса.

В очередной раз его жизнь оказалась подвешена на волоске. Но если тогда, в день нашей помолвки, я и сама не успела сообразить, что происходит (а потому наивно предполагала, что он в порядке), то теперь остро ощущала тревогу и страх. Бесконечный ужас за мужчину, который хотел защитить меня.

Потому что он не умеет иначе. Потому что ему плевать, с кем сражаться: со слугами или с лордом.

Закончив с осмотром, маг коснулся кожи на моей ладони, и на запястье появилась темная отметина, будто татуировка, вышитая волшебством. Простой ромб, но подобного я прежде не видела.

– Что это?

– Обычная малость. Отслеживающая метка. Думаю, вы слышали о таких, госпожа.

Метка?

Та самая, благодаря которой Фаркоунт сможет уловить мой след и найти меня, где бы я ни спряталась? Он подозревает о моем желании сбежать?

Но тут маг добавил:

– Лорд просил ставить их на всех своих предыдущих жен. Он любит в подобных вопросах полный контроль. Сами понимаете.

Ну да, клеймить каждую как безропотную скотину – и счастлив. Жена при тебе, никто не посмеет даже шаг лишний в сторону сделать. Чем отличаются от рабынь? Можно пользоваться ими так, как вздумается.

– Позвольте теперь я излечу ваше лицо, – маг указал на след от вчерашней пощечины, что наливался на щеке синяком.

Лиловым. Любимым папиным цветом.

– Да не стоит, – я, по правде, о нем переживала меньше всего.

– Нет-нет, ну, что вы. – Он уже проводил над кожей, касаясь её едва-едва. – Я всё равно здесь.

Мы закончили, и маг собирал свой чемоданчик, когда Гарри Фаркоунт вошел в мою спальню. Без стука. Наплевав на то, что я могу быть раздета. Его принципы по отношению к невесте резко изменились.

– Ну? – задал он короткий вопрос.

– Ваша невеста невинна.

– Точно? Если вы ошибаетесь...

– Что вы, что вы, лорд Фаркоунт. Моя методика безукоризненная. Аура Мэри Утенрод кристально чистая, как и её тело.

Мне захотелось ухмыльнуться в лицо будущему мужу (а лучше – плюнуть), но я сохранила безразличную мину. Пусть видит, что невеста его покорна и не помышляет никаких дурных вещей. Само очарование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.